ДРАММАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ ПОДПОЛКОВНИКА КНЯЗЬ АЛЕКСѢЯ ГОЛИЦЫНА,

---

Томъ III.

Разныя Стихотворенія:

Комедія, Свѣтское Обращеніе, въ трехъ дѣйствіяхъ и въ прозѣ.

МОСКВА.
1798.

ОГЛАВЛЕНІЕ

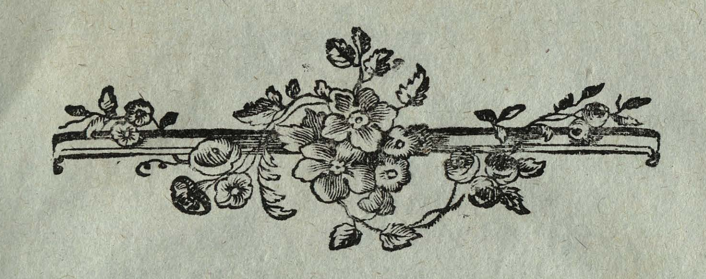
Третьему Тому.

Оглавленіе.

Имена подписавшихся на III Томъ Сочиненій и переводовъ К. А. Г.

Ея Превосходительство Катерина А. Архарова.
Ея Сіятельство Кн. Катерина П. Щербатова.
Ея Высокопревосходительство Анна П. Волкова.
Его Превосходительство Абрамъ С. Лопухинъ.
Его Сіятельство К. Сергей И. Голицынъ.
Его Сіятельство К. Николай Михайловичь Голицынъ.
Его С. К. Михайла М. Голицынъ.
Его Превосходительство Петръ Ф. Балкъ-Полевъ.
Ея Высокоблагородіе Вѣра Петровна Баскакова.
Его Превосходительство Василій В. Грушецкой.
Его Высокоблагородіе Николай Александ. Чириковъ.
Его С К. Александръ С. Трубецкой.
Его Высокоблагородіе Николай А. Римской-Корсаковъ.
Ея Высокоблагородіе Елена С. Шереметьева.
Его Высокоблагородіе Иванъ Петровичь Озеровъ.
Ея Превосходительство Марья Я. Солтыкова.
Его Сіятельство К. Яковъ И. Лобановъ-Ростовской.
Его С. К. Андрей Н. Долгорукой.
Его Превосходительство Павелъ Михайловичь Козловъ.
Его Сіятельство К. И. Петровичь Тюфякинъ.
Его Высокоблагородіе Епафродитъ Н. Кологривовъ.
Его С. К. Василій Дмитріевичь Голицынъ.
Его Превосходительство Сергей А. Фаминцынъ.
Его Благородіе И. Ивановичь Нарышкинъ.
Его Высокоблагородіе Петръ Андреевичь Граблинъ.
Его С. К. П. И. Львовъ.

Его Благородіе Н. Сергѣевичь Колюбакинъ.
Его С. К. Иванъ Борисовичь Голицынъ.
Неизвѣстной изъ Малороссіи.
Его Высокородіе А. Александровичь Арсеньевъ.
Его Высокоблагородіе Александръ В. Приклонской.
Ея Превосходительство Анна Н Исаева.
Его Высокоблагородіе Федоръ Петров. Колычовъ.
Его Высокоблагородіе Сергей Н. Щербачовъ.
Его Сіятельство К. Михайла Яковлевичь Хилковъ.
Его Высокоблагородіе Павелъ Федоровичь Карабановъ.
Ея Сіятельство Гр. Дарья Федоровна Мамонова.
Его Высокоблагородіе Петръ Асафовичь Арбеневъ.
Господинъ Титулярной Совѣтникъ Гзель.
Павелъ Мироновичь Ушаковъ.
Его Сіятельство Графъ С. Володимировичь Солтыковъ.
Андрей Ивановичь Хрущовъ.
Неизвѣстной изъ Казани.
Маіоръ Петръ Алексѣевичь Мусинъ-Пушкинъ.
Его Сіятельство Графъ Александръ Ивановичь Остерманъ.
Его Сіятельство Графъ Матвей Федоровичь Толстой.
Его Превосходительство Графъ Сергей Михайловичь Каменской.

ОДА
НА СЛУЧАЙ БЛАГОДѢЯНІЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
При вступленіи на Всероссійскій Престолъ.

1.

Чей зракъ Божественный, священный,
Какъ Фебъ на землю возсіялъ? —
Се ПЕТРЪ, во ПАВЛА претворенный,
Что Богъ въ награду намъ ссслалъ!
Се Сынъ ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ!
Се добродѣтели едины
Намъ видны во дѣлахъ Его!
Се Богъ нашъ тишины, спокойства!
Се Богъ нашъ мудрости, устройства
И слава царства своего!

2.

Летитъ сопутница вѣковъ
Унылыхъ Россъ подъявъ рукою
И ПАВЛА возгремѣвъ трубою,
Рекла -- утѣшила сыновъ:
Се Царь вашъ, яко узлъ блаженства!
Въ душѣ прозримы совершенства,
Спасать, хранить, благотворить; --
Излить въ народъ свои щедроты
Траяна, Тита суть доброты,
А Бога образъ можно зрить.

3.

Не плачьтежь вы, сказала имъ,
Вы много потеряли -- много;
Но рокъ не наказалъ васъ строго,
Коль въ ПАВЛѢ мы Монарха зримъ. --
Къ ПЕТРУ Россія примѣняетъ,
Астрея нынѣ возблистаетъ. --
Онъ бѣдныхъ и сиротъ взыскалъ,
Друзей къ друзьямъ соединяя,
Нещастныхъ къ щастью обращая. --
Любовь въ возторгѣ Россъ досталъ.

4.

Быстрѣе молніи несется
Слухъ по лицу Россіи всей,
Слезъ радостныхъ у всѣхъ ліется
Потокъ обильный изъ очей.
Въ велѣньѣ Бога и судьбины
Находитъ всякъ себѣ причины
Его и паче прославлять. --
О Богъ! сколь много ущедряешь,
Что ПАВЛОМЪ насъ Ты награждаешь,
Твоя видна тѣмъ благодать.

5.

МАРІЯ, ПАВЕЛЪ щастье наше! --
Богъ Вами насъ величитъ днесь,
Чтобъ всѣхъ цвѣла Россія краше
Примѣръ бы бралъ съ Васъ Сѣверъ весь;
Въ сердцахъ Вашъ образъ изваянный,
Лучами славы осіянный,
Поставилъ на златой стѣнѣ,
Чтобъ знали вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текли при ПАВЛѢ въ сей странѣ. --

6.

Мнѣ сонмы предстоятъ снабденныхъ
Обиліемъ даровъ Твоихъ,
И мудро чрезъ Тебя взведенныхъ
На степени блаженства ихъ. --
Я села, грады протекаю, --
Вездѣ обязанныхъ срѣтаю
Благополучіемъ своимъ. --
Народамъ Ты своимъ награда,
Живущимъ вѣчная отрада
Подъ покровительствомъ Твоимъ.

7.

Что день, что часъ, то Россамъ милость,
Несется гласъ похвалъ такихъ. --
Бѣжитъ отчаянье, унылость
Отъ самыхъ бѣдныхъ чадъ Твоихъ. --
Въ Тебѣ надежду полагаютъ,
Коль ПАВЕЛЪ Царь -- все забываютъ,
Всѣ зрятъ МОНАРХА и Отца. --
Слугамъ Ты вѣрнымъ покровитель,
Отъ бѣдъ нещастнымъ защититель. --
Какъ лучь проникъ -- возжегъ сердца.

8.

Тобой пленяся добродетель,
Въ восторгѣ Твой лобзаетъ слѣдъ.
Всему есть слава Твой свидѣтель,
Она впередъ Тебя идетъ,
Въ грядущи времена взираетъ
И больше щастье предвѣщаетъ. --
Законы подавая намъ,
Да возрастетъ Твоя держава
И купно дѣлъ Геройскихъ слава. --
Примѣръ всегда Ты оным Самъ.

9.

Великъ, кто силою умѣетъ
Враговъ свирѣпство укрощать;
Но болѣ тотъ, кто разумѣетъ
И безъ оружья побѣждать. --
Сопутница вѣковъ летаетъ
И Имя тамъ Твое включаетъ,
Гдѣ тѣ хранятся имена,
Что по дѣламъ безсмертны стали,
Дабы съ почтеньемъ ихъ читали
Потомки въ поздны времена.

10.

Уже всесильною рукою
Покой Россіи оградилъ;
Щитомъ, какъ твердою стѣною,
Предѣлъ обширный утвердилъ;
Ты мира Россамъ ввѣкъ желая
И кровь щадя, не проливая,
Пунктъ славы точный самъ достигъ.
Твой будетъ взоръ перунъ ужасный
Врагамъ на вѣкъ, вездѣ опасный, --
Блеснетъ -- сразитъ въ единый мигъ.

11.

Коль врагъ на Россовъ ополчится
И дерзко самъ къ нимъ подойдетъ,
Всевышній съ ПАВЛОМЪ съединится,
И врагъ во сѣти упадетъ. --
Самъ Аполлонъ настроивъ лиру,
И радость сообщая міру,
Ту славу громко возпоетъ. --
Участвуя въ веселье новомъ,
Своимъ плѣняя нѣжнымъ тономъ,
Въ слѣдъ за собой Музъ повлечетъ. --

12.

Живи, Россіи вѣрно Око!
И къ пользѣ общей паче въ ней
Взнесясь какъ кедръ Ливанскъ высоко
Ты добродѣтелью своей;
Живи, престола украшенье!
Дай лѣтъ Всевышній продолженье!
Живи, о Царь! Отецъ Ты въ насъ;
Россіи славу Ты умножишь,
Враговъ престолы потревожишь,
Имъ страшенъ Твой премудрый гласъ.

СТИХИ,

Переведенные за ужиномъ у Ѳедора Павловича Балка-Полева съ Французскаго въ газетахъ, на случай путешествія Графа и Графини du Nord.

Иль подданныхъ твоихъ тебѣ ужъ не довольно?
Или желаешь ты всемъ свѣтомъ обладать,
Лишая насъ сердецъ чистѣйшихъ мимоходно,
Сосѣдныхъ крайнѣ тѣмъ владѣльцовъ обижать?

ПОЧТЕННОЙ МАТЕРИ

ВОСКЛИЦАНІЕ,

На случай родившагося ей еще внука.

Возлюбленная мать! взгляни уже на насъ!
Утѣхи наши ты едины составляя. --
Благодаримъ тебя и въ сей пріятной часъ,
Въ которой внучатовъ Создатель прибавляя,
Твой образъ изъяснилъ почтенной въ ихъ чер-
тахъ. --
Ахъ! дай невиннымъ симъ твою Онъ добродѣтель!
Се щастья нашего одна была содѣтель!
И давъ блаженну жизнь жить долго продолжай,
А внука такъ, какъ насъ, любить не преставай.
1790 -- О. 14.

IMPROMTU

К. Я. А. Г.,

Которой смѣялся, что я ношу очки.

Ты, Князь! смѣешся надо мною,
Что я гляжу въ очки и ихъ ношу съ собою:
Желалъ бы, можетъ быть, и самъ ты въ нихъ
глядѣть,
Да не на что надѣть. --

ПЕРЕВОДЪ ПѢСНИ.

Comme j'aime avoir les hirondelles.

Какъ я люблю всегда смотрѣть,
Прекрасны ласточки, на васъ!
И всякой годъ у оконъ зрѣть,
Что ужь близка весна у насъ!
Тожь гнѣздышко увидѣть скоро
И прежнюю у васъ любовь; --
Всегда согласна съ вами Флора
Зачать веселья ваши вновь. --
Когдажь отъ первыхъ съ древъ морозовъ
Поблекнутъ листья и спадутъ;
Не станетъ ясминовъ и розовъ
И дни пріятны пропадутъ:
Тогда вы, ласточки, собравшись
Другъ друга кличете вездѣ;
И другъ объ другѣ изпугавшись
Летите прочь, зимы нѣтъ гдѣ. --
Когдажь въ пути вамъ по нещастью
Случится разлученнымъ быть,
Тогда отяготясь напастью,
Не можете въ разлукѣ жить. --
Мы видимъ, ласточка прекрасна;
Тебя съ печали умирать:
А твой любовникъ столькожъ страстно
Заочно станетъ самъ страдать.

СТИХИ

К. Е. Д., которую зналъ Авторъ только по похваламъ Публики.

Прельщаетъ все въ тебѣ,
Достойная Евгенья!
Достала тьму похвалъ себѣ
Ты прозорливыхъ глазъ стремленья.
Тебѣ Венера яблоко послала,
Минерва лавромъ увѣнчала,
Ты Музамъ честь и похвала,
Ты Мельпоменѣ украшенье,
Разумныхъ всѣхъ ты уваженье. --
Вотъ что природа въ даръ дала!

СТИХИ

Варварѣ Н. Б. — По...

Роза столько не блистаетъ
Межъ кудрявыхъ здѣсь кустовъ,
Столько мысль не возхищаетъ
Запахомъ своихъ листовъ:
Какъ въ беседѣ Миловзора
Межъ румяной красоты. --
Ты пріятна такъ, какъ Флора,
Тѣжъ въ тебѣ ея черты.

МАДРИГАЛЪ
Двумъ стихотворцамъ.

Микула и Дамонъ, высокїе Пїиты
До пышности ума и громкости рѣчей,
Одинъ имѣли духъ и оба знамениты,
Сошлись въ компанїи разумнѣйшихъ людей,
Гдѣ первой тутъ сказалъ: Дамонъ! твой труды
Прїятны обществу, духъ, чувства всѣ плѣняютъ. --
Нѣтъ: -- отъ тебя, Микулъ, толикїе плоды
Любители наукъ съ довольствомъ получаютъ. --
Сказавшїй истинну вотъ третїй что сказалъ:
Вы оба пишете, но васъ не понимаютъ;
Читая страстно васъ, не рѣдко засыпаютъ; --
Но не сердитеся, что я судьею сталъ.

СТИХИ
На воспитанїе чижа дѣвицею Е. М. Д., поданные ей самой.

О чижъ прекрасной! ты любови
Предвѣстникъ и посолъ драгой;
Послышавъ голосокъ ты Хлои,
Влетѣлъ безъ робости въ покой. --
О! сколь же участь мнѣ другая
Всегда у Хлои предстоитъ!
Я прихожу всегда страдая,
Молчу . . . и жду, какъ ободритъ.

✡

Взлетаешь ты, и видишь Хлою,
КакЪ тихо сну она вдалась. --
ЦвѣтникЪ готовЪ тебѣ сЪ травою; --
ВЪ немЪ пѣночка твоя вилась. --
Летишь по томЪ вЪ кровать любезной
И сталЪ вокругЪ ея порхать,
Разбудишь Хлою вЪ часЪ столь лестной, --
Проснувшись станетЪ цѣловать. --
АхЪ! птичка, кою такЪ балуютЪ,
Отдай мнѣ поцѣлуй ее!
Я слышу, что тебя цѣлуютЪ, --
Спокой хоть сердце ты мое.
Любезна Хлоя! дай мнѣ вѣтку;
Я вЪ дарЪ жду птичку отЪ тебя;
Иль посади меня ты вЪ клѣтку
И дай глядѣть всё на себя.

ПѢСНЯ.

ПереводЪ.

Сія пѣсня переведена и Ю. А. Н. М.: — обоими вЪ одно время.

Мой милой другЪ! увижусь ли сЪ тобою?
На камняхЪ сихЪ была передЪ зарѣю:
Уже и ночь проходитЪ,
Все здѣсь меня находитЪ. --
ПридетЪ и утро, придетЪ заря,
Здѣсь они, здѣсь еще найдутЪ меня.

✡

Жестокой другЪ! ты друга покидаешь,
ВеселїевЪ любви сЪ собой меня лишаешь,
А не сЪ тобою жить могу ли я? ты знаешь,
Помучуся, пожду и пострадаю,
По томЪ умру . . . . умру, я то желаю.

✿

О камень! ты свидѣтель бѣдЪ моихЪ,
Не все ты зрѣлЪ страдающую вЪ нихЪ.
Мой милой другЪ, да -- я,
Мы тьму утѣхЪ вкушали,
СтократЪ другЪ друга увѣряли;
Теперь же безЪ тебя
Любовь, печаль и я.

ПЕРЕВОДЪ

и Сочиненїе.

СеньвалЪ вЪ лѣтахЪ находился,
Гдѣ владычествуетЪ страсть. --
ВыбралЪ Лизу, ей плѣнился,
ОтдалЪ сердце ей во власть.
ГоворятЪ: любовь проходитЪ, --
Не возможно удержать:
Но коль дружба кЪ намЪ приходитЪ,
То обЪ чемЪ же горевать?

✿

Я желаю весть все время,
ПромежЪ дружбы и любви,
И не чувствовати бремя
Ревности вЪ моей крови.

Тутъ-то дѣти, возрастая,
Будутъ дружбу къ намъ хранить! --
Я ихъ съ Лизой съединяя,
Буду всѣхъ по смерть любить.

✿

Въ время, какъ разполагаетъ
Счастіе онъ утвердить,
Лизой духъ свой возхищаетъ,
Хочетъ сладко съ ней прожить,
Въ самое, увы! то время
Онъ лишился тѣхъ красотъ. --
Ахъ! настало тяжко бремя,
Потерялъ надежды плодъ.

✿

Сеньвалъ въ горести ужасной,
Не зритъ болѣ ничего,
И отчаянью подвластной,
Ждетъ утѣхъ лишь отъ него.
Съ сихъ поръ никому не можно
Хладно на него взирать,
Уподобить только должно
Розѣ, какъ начнетъ свядать.

✿

Листъ отъ листа упадаетъ,
Такъ и живость въ немъ его:
Какъ краса той увядаетъ,
Такъ и здравіе его.
Ахъ! -- его не стало болѣ,
Равно розы какъ моей: --
Но въ своей печальной долѣ
Съ милой съединенъ своей. --

АКРОСТИХЪ.

Какъ скоро я тебя, прекрасная, увидѣлъ,
Нарушилъ свой покой, себя возненавидѣлъ;
Я буду вѣкъ страдать, но страсть не окажу. --
Зрѣть на тебя: -- вотъ въ чемъ отраду нахожу. --
Ахъ! знай, сколь мнѣ мила и сколько ты любезна. --
Лишуся жизни я, -- прервется участь слезна;
Естьли не скажешь ты, что любишь ты меня. --
Карай меня за то, умру, тобой стеня. --
Съ тобой я жить хочу, иль скоро умерети.
Естьли то требуешь, то скоро можешь зрѣти: --
И естьли оное возставитъ твой покой,
Голицынъ и по гробъ всегда пребудетъ твой.

ПЕРЕВОДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ СТИХОВЪ.

Природа на землѣ намъ счастье продаетъ,
И глядя по трудамъ, ведетъ ему разсчетъ.
Безъ поту жатвы нѣтъ; а счастья безъ хлопотъ,
Собранье наша жизнь печалей и заботъ.

НАДГРОБІЕ

Родителю моему.

Подъ камнемъ симъ лежитъ благотворитель, другъ,
Отецъ, родня прямой, и вѣрный былъ супругъ. --

Не тамъ онъ, гдѣ судьба несчастныхъ всѣхъ караетъ,
Но тамъ, гдѣ чистый духъ во Бозѣ почиваетъ. --
Слезами бѣдныхъ весь сей камень окропленъ; --
Благотворителя они лишились въ немъ.

ЭПИТАФІЯ СКУПОМУ.

Кто камнемъ въ жизни былъ, подъ камнемъ здѣсь лежитъ,
Безъ грусти одръ его уже наслѣдникъ зритъ.
Онъ злато вѣкъ любилъ, и имъ лишь утѣшался,
И часто зрѣніемъ единымъ возхищался.
Онъ никогда давать привычки не имѣлъ,
Рубашку изъ тряпицъ скроить себѣ велѣлъ.
Хоть было жаль ему съ имѣніемъ разстаться;
Разстался, но просилъ онъ съ деньгами обняться. --
Онъ умеръ, обнялся: но все оставилъ намъ,
Что нужно на землѣ, не нужно небесамъ. --
Хоть денегъ много есть, но совѣсти коль мало,
Безъ совѣсти въ тотъ свѣтъ явиться не пристало.

СТИХИ

Его Сіятельству Князь Петру Алексѣевичу Голицыну, на полученіе имъ Ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Блаженства нашего содѣтель!
Ты счастье далъ единый намъ:
Ты намъ отецъ и благодѣтель,
Сколь дорогъ нашимъ ты сердцамъ!

✿

Теперь не здѣсь, не вмѣстѣ съ нами
И не въ объятїяхъ у насъ: . . .
Какимижъ громкими словами
Намъ должно пѣть сей сладкїй часъ? --

✿

Слуга отечеству ты вѣрный,
Ты добрый другъ своимъ друзьямъ,
Ты сынъ, родня былъ вѣкъ примѣрный,
Отецъ прямый и нѣжный намъ.

✿

Я лишняго сказать не знаю:
Вотъ голосъ сердца моего!
Оно велитъ -- и повторяю,
Что ты дороже намъ всего.

✿

Украшенный вѣнцами славы,
Ликуй сей часъ въ семьѣ своей.
Се радость! -- Познавай забавы
Среди родныхъ, среди друзей!

✿

Мы сердцемъ были всѣ съ тобою
Всегда въ желанїяхъ твоихъ;
Но днесь для общаго покою
Увѣнчанъ ты уже въ своихъ.

✿

Коль радость мысли наполняетъ,
Какой быть можетъ складъ въ словахъ?
Языкъ мой здѣсь не лесть сплетаетъ,
Коль ты живешь у насъ въ сердцахъ. —

✿

ЕКАТЕРИНИНЫ щедроты
Награды суть твоимъ дѣламъ,
И намъ души твоей доброты
Видна уже награда намъ. --

✲

Се ПАВЕЛЪ Титу подобляясь,
Какъ благотворный солнца лучь,
Въ твоихъ заслугахъ увѣряясь,
Какъ Богъ щедроты льетъ изъ тучь.

✲

Онъ вновь еще тебя прославилъ,
Постой! сказалъ, я вѣрность чту,
И се, онъ щастье вновь устроилъ,
А зависть обратилъ въ мечту.

Отъ покорнаго слуги и племянника К. А. Г.

ПѢСНЯ.

Переводъ съ Французской; въ 2 куплетахъ, а 3 сочинены.

Нѣтъ, нѣтъ, не полагаю
Я счастьемъ пышно жить:
А въ томъ его считаю,
Чтобъ другъ друга любить.
Ты любишь, я тоже,
Нѣтъ счастливѣе насъ.

✲

Всечасно восхищаюсь,
Дражайшая, тобой;
Тобой одной прельщаюсь,
Хочу быть вѣчно твой.
Ты любишь и пр.

✲

Амуръ намъ равномѣрно
Сердца возпламенилъ,
И я любить безмѣрно
По вѣкъ свой положилъ.
Ты любишь и пр.

✲

Одну тебя я страстно
Въ умѣ своемъ держу,
И я тебя всечасно
Прекрасная твержу.
Ты любишь и пр.

✲

Все въ свѣтѣ презираю,
Тебя одну любя,
Тебя и обожаю,
Вотъ счастье для меня!
Ты любишь и пр.

СТИХИ АНАКРЕОНТИЧЕСКІЕ.

Сочиненіе.

Молодой въ лѣсу молодчикъ
Голубя на вѣтви видитъ,
И поймать его нашъ ловчикъ
Тихою стопою идетъ.

Голубь жалобно воркуетъ,
Прицѣпясь ко вѣтви бука. --
Сильно вѣтеръ въ вѣтви дуетъ;
Но охотникъ нашъ безъ лука. --

Лишь сей ловчикъ сталъ стараться
Поймать его руками,
Голубь тотчасъ сталъ взвиваться
Въ верьхъ изгибными дугами.

На другой дубъ вмигъ садится
И со вѣтви на другую;
Близко ловчику онъ мнится,
Льстя надеждою пустою.

Голубь близостью прельщаетъ,
Лишь ему его бы взяти,
Птичка тотъ часъ улетаетъ: --
Ахъ! какъ ловчику поймати?

Вдругъ предъ ловчикомъ явился,
Отрокъ съ лукомъ позлащеннымъ; --
Ловчикъ нашъ сему дивился,
Сталъ немного устрашеннымъ.

Отрокъ ранилъ вмигъ стрѣлою
Грудь бѣдняжки утомленну:
Въ верьхъ взвился -- и сталъ мечтою. --
Зритъ охотникъ грудь пронзенну.

Только тихо раздавался
Отголосокъ по дубровѣ: --
Ты поймать меня старался;
Но ты самъ уже въ неволѣ.

ЭПИГРАММА.

Сходна мартышка всемъ прицѣпкому судьѣ;
Готова вмигъ, какъ онъ, такъ лапу запустить. --
Судья рукой даетъ, другой деретъ въ судѣ,
А обезьяна все готова подцѣпить.

ПѢСНЯ.

Сочиненїе.

Тише, пѣночка прекрасна,
Тише пой ты по утрамъ;
Томна пѣсенка и страстна
Не нужна тепере намъ.

✿

Дай покой и услажденье
Хлоѣ, душенькѣ моей. --
Въ ней души моей движенье
И блаженство жизни въ ней.

✿

Вникнувъ тайными стезями
Ты моей богини въ храмъ,
Запрети шумѣть крылами
Рѣзвымъ вкругъ тебя духамъ.

✿

По утру съ зарею вставши,
Коль меня не зритъ съ собой,
Хлоя день тотъ тосковавши,
Тяжко мучится судьбой.

✿

Ей тогда не нуженъ болѣ
Соловьиной голосокъ;
Рвется, будто - какъ въ неволѣ:
Ей постылъ тогда лѣсокъ.

✲

Прихожу — и унываю
Хлою въ рощѣ не нашедъ,
Млѣю, мучусь и страдаю,
Близко къ рѣчкѣ подошедъ.

✲

Все уныло, все поблекло,
Тишина вездѣ и мгла;
Все въ глазахъ моихъ померькло,
Мысль любезной не нашла.

✲

Ахъ! не лютость ли болѣзни
Мучитъ Хлоюшку мою? —
Пропади все и изчезни —
Рокъ! кляну я злость твою. —

✲

Не увянь, моя любезна,
За тобоюжъ пропаду: —
Какъ наступитъ участь слезна,
Къ смерти съ радостью пойду. —

✲

Тутъ - то, пѣночка прекрасна,
Я оставлю и тебя. —
Хлоя бывъ лишь мною страстна,
Забывала и себя.

✲

Лучь пріятный не блистаетъ,
Птичекъ вмѣстѣ милыхъ нѣтъ;
Соловей ужъ не порхаетъ,
Замолчалъ, и не поетъ.

❀

Сердце все мое пылаетъ; —
Жажду Хлоюшку узрѣть. —
Палъ къ ногамъ — она вздыхаетъ. —
Пѣнка! зачинай ты пѣть.

❀

Ахъ! ей лучше: — примѣчаю —
Краска въ ней явилась вдругъ. —
Я объ ней къ Творцу взываю,
Скоро буду ей супругъ.

❀

День тогда веселья взглянетъ
Солнце, краше возблеститъ
Страсть обѣихъ не увянетъ!
Но лишь паче возгоритъ.

❀

Пой, тиранка, вновь ты страстно,
Лишь о мнѣ ты умолчи;
Пой же пѣночка прекрасна,
Имя Хлоюшки журчи.

❀

Я же Хлоюшкѣ не смѣю
Похвалу при всѣхъ сплетать;
Только чувствовать умѣю,
Быть влюбленнымъ — и молчать.

СТИШКИ

Дѣвицѣ Бей.

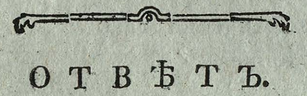
Милая моя безсмертна,
Честь природы и боговъ: —
Вся хвала ей не сразмѣрна,
Недостанетъ къ ней и словъ. —
Розанъ краскою своей,
Бѣлизною снѣгъ блестящій,
Сходны красотѣ твоей,
Сердце страстное разящей.
Скромность нѣжная въ рѣчи,
Томные глаза и взгляды,
Будто солнечны лучи
Помрачаютъ всѣ наряды.

КЪ СТАРИКУ.

Большому старику вдругъ вздумалось жениться —
Не поздно ли, мой другъ, начать тебѣ бѣситься?
Не ловко ходишь ты; крива твоя нога,
Лицемъ ты не пригожъ — такъ будутъ и рога. —
Видь въ старикѣ уже какое утѣшенье,
Отрады нѣтъ нигдѣ, тоска, уединенье. —
Хотя ты за десять замковъ жену запри,
Но будешь все играть ты съ нею въ три и три.
Хотя чиновные всѣ старцы поженились:
Но видь и тѣ давно съ натурой побранились. —

Сѣдые волосы, да зуба во ртѣ нѣтъ; —
Приманкаль то женѣ? — Ну! ставь за то лабетъ.
На жонку старика молодчикъ зубы точитъ,
Подобно подъ землей исподнiй огнь хлопочитъ;
Не въ силахъ приподнять онъ матерой земли,
Такъ точно и старикъ падетъ — а ты дремли!

ОТВѢТЪ.

Чему дивишься ты? — каникулы настали:
Всѣ бѣсятся равно. — Отъ всѣхъ утѣхъ устали.
Ни клобъ, ни маскерадъ ужъ ихъ не веселитъ,
И въ карточной игрѣ имъ не великъ профитъ. —
Видь скучно старикамъ читать все прибасёнки,
Красавицу узря, сулятъ свои деньжонки: —
А въ мысли, что старикъ не долго проживетъ;
То бѣдна красота неволею идетъ. —

ПѢСНЯ.

Отъ скуки я въ лѣсочкѣ
Одинъ вчера гулялъ; —
Увидѣвъ, что въ кусточкѣ
Амуръ опочивалъ.

✿

Опасность презирая,
Къ нему я подошелъ
И на него взирая,
Въ немъ прелести нашелъ.

✿

Въ немъ сходство обрѣтая
Съ измѣнницей моей;
Но страстью къ ней не тая,
Не зрѣлъ бѣды своей.

✿

Вздохъ нѣжной вылетаетъ,
Зря сходство съ ней его. —
Амуръ сонъ прерываетъ
Отъ вздоха моего

✿

Онъ крылья вмигъ разправилъ
И лукъ свой ухватилъ,
Стрѣлу въ меня направилъ
И ею грудь пронзилъ.

✿

Поди, ищи ты Хлою,
Сказалъ, клянись любить.
И будь лишенъ покою,
Коль смѣлъ меня будить. —

Акростихъ.

Вольно, Волтеръ, тебя бранить у насъ старухамъ;
Онѣ не дѣлаютъ подрывъ твоимъ стихамъ. —
Ликуешь въ славѣ ты, твой тонъ пріятенъ слухамъ,
Ты Фениксъ смысленнымъ ученымъ всѣмъ очамъ,
Единымъ Квакерамъ и бородамъ опасенъ,
Разить притворство ихъ всегда ты былъ согласенъ.

ЭПИГРАММА.

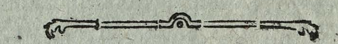
Кто къ Якобину могъ когда нибудь сравниться?
Подобенъ котъ ему и столько же лукавъ; —
Ласкаетъ, но притомъ готовъ всегда вцѣпиться;
Изъ хлѣба лицемѣръ и нарушитель правъ.

ПОСЛАНІЕ.

Пятидесяти двухъ комедій сочинитель,
Никула! былъ и ты губернскій предводитель. —
Не мастеръ ты судить, а мыслить не горазд.ъ;
Не ждали мы тебя: — пришелъ ты какъ балластъ. —
Всему хотя ученъ, Россійску рѣчь не любишь,
И какъ ни напиши, всегда языкъ осудишь. —
На критику готовъ нашъ всякой переводъ,
Несносенъ вѣкъ тебѣ Россійской нашъ народъ.
Ты противъ ячества хоть сильно восклицаешь,
Но себялюбецъ ты — напрасно увѣряешь,
Что много перевелъ, да кто же то читалъ?
И естьли ты одинъ, такъ видно только вралъ. —
Свѣчу не для того въ потемкахъ зажигаютъ,
Чтобы закрыть ее — а ею освѣщаютъ. —
Ужель изъ скромности? — такъ всякой нашъ піитъ,
Что въ свѣтѣ славными твореньями гремитъ,
Не стоитъ гроша здѣсь Никула предъ тобою,
За то, что просвѣщать назначены судьбою. —
Архива памятью ты оною дивишь:
Ты шутишь и смѣшно, но старину твердишь,

Въ театрѣ ты знатокъ; — имѣешь свой домашней,
И служитъ онъ тебѣ забавою всегдашней:
А Померанцовъ нашъ хоть всѣхъ игрой плѣнилъ,
Но предразсудокъ твой себѣ не покорилъ. —
Да и возможно ли, когда весьма ты чуденъ,
А по просту сказать, не вдаль благоразсуденъ? —
Онъ не годился бы въ театрикѣ твоемъ;
Все лучше у тебя; — хоть Морьонеты въ немъ.
Плавильщиковъ жестокъ, а Шушеринъ несносенъ,
А Машинька стара и Сандуновъ не годенъ; —
Все судишь — знаешь все, отмѣненъ изъ людей;
Охотникъ до всего, до птицъ и до звѣрей:
Павлиной хвостъ вложа во лебедя морскова,
Ты правду говоришь, творенья нѣтъ такова.
Ботаникъ, Астрономъ, искусной музыкантъ,
Знатокъ во Химїи, имѣешь тотъ талантъ.
Что злато съ мѣдною рудою различаешь,
Ты все и ничего — вотъ что ты заключаешь!

СТИХИ КЪ КРАСАВИЦѢ.

Я тщетно по утру старался,
Дражайшая, писать тебя,
Чемъ больше въ томъ я углублялся,
Тѣмъ больше проклиналъ себя.
Терпѣнья наконецъ лишился,
И краски, кисти изтребилъ: —
Но мыслью той развеселился,
Что всякъ бы тоже учинилъ.

СТИХИ НА ВРЕМЯ.

Сочиненіе.

О трата времени безмѣрна!
Гдѣ часъ, въ которой мы живемъ?
Когда конецъ, не знаемъ вѣрно,
А жизнь разпутную ведемъ. —
Вѣкъ нашъ очень скоротеченъ,
День же кажется великъ,
Человѣкъ въ грѣхѣ безпеченъ;
Смерть же есть единый мигъ.

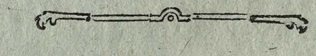

ПѢСНЯ.

Переводъ.

Младой пастушкѣ и прекрасной
Случилось на брегу стоять,
Гдѣ протекалъ ручей прозрачной
И могъ природу оживлять. —
Вотъ такъ течетъ, сказала, время,
Красы и младости драгой!
Разцвѣлъ цвѣтокъ; — увялъ; — и сѣмя
Произраститъ уже другой,
Ни что не создано напрасно,
Привыкли мы всего желать,
Изполнить что, помыслить, страшно
Люблю, мечта одна сказать.
Лучь Фебовъ созданъ для природы,
Заря дана для ясныхъ дней,

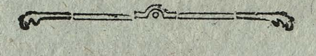
Брега круты для рѣкъ свободы,
А сердце для любви моей.
Хоть я спала, но богъ покоя,
Пріятности мнѣ изтощалъ,
Мечты воображенью строя,
Мечтами сими возхищалъ.
Обманъ и ложь меня вели,
А я любовью наслаждалась,
Судьба, любовь вѣнки плели;
Но не Линдоромъ восхищалась.

ПРИНОШЕНІЕ

Матери моей въ день ея рожденія.

Разсудокъ мой въ сей часъ стихи сіи подноситъ;
Въ отвѣтѣ будетъ онъ, коль худо ихъ сберетъ;
А лучше сдѣлаетъ, когда онъ сердца спроситъ,
И пусть оно одно хвалу тебѣ сплететъ.
О ты, которая всѣхъ нашихъ душъ движенье!
Что посвящу тебѣ я въ жертвоприношенье?
Не чувство ль жаркое, не сердце ли мое?
Но плѣнное тобой, оно давно твое.

ЭПИГРАММА.

Сочиненіе.

Пахомій плохъ умомъ! то правда, — но богатъ!
На рѣзвой онъ женясь, и умной госпожѣ
Даетъ по часту балъ! Il est tres bien loge
Для тѣхъ и сихъ причинъ всякъ ѣхать къ нему радъ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ,
САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ,
ИМПЕРАТОРУ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

Усерднѣйшее приношеніе.

Прійми, МонархЪ и Царь великій во ЦаряхЪ,
ВеликагожЪ Царя прекрасное творенье.
ПереложивЪ его я вЪ слабыхЪ сихЪ стихахЪ,
ДерзнулЪ кЪ стопамЪ ТВОИМЪ повергнуть вЪ приношенье.
ПисалЪ о времени, о славѣ, клеветѣ:
ТЫ время удивя ТВОЕЮ громкой славой,
Не терпишь клеветы подЪ кроткою державой.
КомужЪ приличнѣе поднесть творенья тѣ?
СЪ великодушіемЪ прости мнѣ дерзновенье,
Превыше мнѣ всего одно ТВОЕ воззрѣнье.

Вѣрноподданнѣйшій

ПодполковникЪ

Князь Алексѣй ГолицынЪ.

(

ОДА

ВРЕМЯ.

О ты, котораго теченье
Проходитъ быстро, такъ какъ сонъ,
О время! ты въ твоемъ стремленьѣ
Не можешь зрѣть себѣ препонъ.
Среди всего обширна свѣта
Нѣтъ столько сильнаго предмета,
Когобъ съ собой ты не влекло,
Слѣдовъ твоихъ не обрѣтаю;
Мгновенье, въ кое размышляю,
Ужъ прочь далеко утекло.

✡

Дни, кои жизнь мою сплетаютъ,
Судьбою всѣ изочтены;
Одни отрады мнѣ являютъ,
Другїе къ горести даны;
Прошедшее ужъ мнѣ не лестно,
А будущее не извѣстно,
Лишь вѣренъ настоящїй день:
И тотъ едва едва блистаетъ,
Какъ прахъ тончайшїй изчезаетъ,
Проходитъ онъ и я, какъ тѣнь.

✡

О заблужденїе безмѣрно,
Влекуще смертныхъ къ суетамъ!
Для счастья, кое такъ не вѣрно,
Мы слѣпо слѣдуемъ мечтамъ,
И смертный, прихотямъ подвластный,
Забавъ вкушаетъ ядъ опасный;

Забывъ преходности законъ,
О смерти мало помышляетъ;
Въ сластяхъ такъ сильно утопаетъ,
Какъ будтобъ ввѣкъ жить долженъ онъ.

✿

Хотя глазами видитъ ясно,
Какъ Парка наши дни сѣчетъ;
Хоть зритъ примѣры повсечасно,
Что тлѣнность всѣхъ съ собой влечетъ:
Ни опытность, ни разсужденье,
Пресѣчь не могутъ усыпленье,
Въ которомъ сильно онъ погрязъ;
Ни чьихъ совѣтовъ не прiемлетъ
И добродѣтели не внемлетъ,
Порокамъ слѣдуя всякъ часъ.

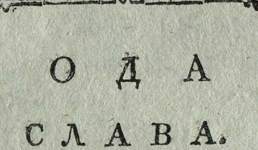
✿

Доколѣ тщетными мечтами,
Мы будемъ разумъ нашъ питать?
Доколь невѣжества цѣпями
Мы будемъ сердце отягчать?
Не ужъ ли въ страсти погруженны,
Мы будемъ имъ порабощенны,
Стараясь время убивать?
Какое тяжкое мученье,
Проведши младость въ преступленьѣ,
Подъ старость тяжко пострадать!

✿

Потщимся съ пользою не тщетно
Сей даръ Небесъ употреблять.
Проходитъ время не примѣтно,
Почто же намъ его терять?
Чтобъ мудрость, честность съ правотою
Владѣла нашею душою,

Чтобъ гнусенъ былъ для насъ порокъ.
Наполнивъ рѣзумъ размышленьемъ,
Что между гробомъ и рожденьемъ
Не дологъ нашей жизни токъ.

ОДА
СЛАВА.

Конечно нѣкій богъ чудесный
Въ душѣ моей воздвигъ чертогъ. —
О Слава! пламень твой небесный
Мнѣ сердца внутренность зажогъ!
Плѣнясь твоею красотою,
Чтобъ пѣть тебя, я лиру строю,
Ты буди пѣсни сей душой!
Вѣнцы достойнымъ ты вручаешь,
На подвигъ смертныхъ ободряешь,
Къ успѣхамъ ихъ ведя рукой

✿

Ведетъ насъ къ Славѣ добродѣтель,
И Славѣ руку подаетъ.
Побѣды Слава есть свидѣтель,
А Слава къ милостямъ ведетъ.
Тобою ПЕТРЪ былъ побѣдитель,
Коварствъ, раздоровъ укротитель,
Тобой всему научены
И Цицеронъ краснорѣчивый,
Сенека Философъ правдивый,
Во храмѣ твой славной введены.

✿

Уже я вижу в Фурш-Кодинах
Великодушных тех мужей,
Обороняясь в малых силах
Противу множества людей;
Что так сражаются ужасно,
Что множество им не опасно,
Едина Слава в том виной.
Она едина подкрепляет
И смерть презреть повелевает,
Неся безсмертіе с собой.

✲

Достойный Регул удивленья,
Велик среди нещастій злых,
Став жертвою ожесточенья,
Иль добродетелей своих.
Герой преславный, безпримерный!
Ты Славы был поборник верный,
Ты чести клятвам верен был:
Чтоб спасть отечество драгое,
Стерпел мученіе ты злое,
И смерть лютейшую вкусил.

✲

Но се! какого зрю Героя
В Россіи я перед собой!
Полки непобедимы строя,
Он есть прямый питомец твой.
Все Задунайским восклицают,
Турецку область устрашают;
К Кагулу дух его ведет.
Султан страшится раздраженный,
Везде всечасно побежденный,
Безчестье вечное несет.

✲

А вы, успѣвшіе въ наукахъ,
Питомцы Аполлона, Музъ,
Во громкихъ Геликона звукахъ
Прервите горестей союзъ!
Горацій и Виргилій славный,
Детушъ, Расинъ писатель славный,
Летите быстро на Парнассъ,
И строя вы звучащу лиру,
Прегромко возгласите міру,
Для славы жили что у насъ.

✡

Безчестный зрѣніемъ кичливымъ
Толкуетъ иначе о всемъ,
И разумомъ своимъ сварливымъ
Идетъ позорнымъ онъ путемъ,
Изъ заблужденья не выходитъ;
Онъ ищетъ Славы, не находитъ,
И мнитъ, что то есть правый путь,
И что въ немъ правда сокровенна.
Но нѣтъ! дверь къ Славѣ затворенна,
Порочна остается грудь.

✡

Какъ Герострата мы взпомянемъ
Из глупыя его дѣла,
На храмъ зажженный мы возглянемъ,
Что честь его къ тому вела,
Тогда умомъ не постигаемъ
И разумомъ не проницаемъ,
Чтобъ Персеполію поправъ,
Могла Таиса прославляться,
И могъ бы міръ весь удивляться
На столь ея безстыдной нравъ.

✡

Возстань изъ пепла Римъ преславный!
Кажись опять глазамъ моимъ,
Днесь Римъ тебѣ уже не равный
Не равенъ мыслямъ онъ твоимъ;
Побѣдъ то мѣсто ужъ лишилось,
Которо къ подвигамъ стремилось.
И се на дивномъ мѣстѣ тѣмъ
Музыка, хладно стихотворство,
А святотатство и притворство
Предъ вѣчнымъ вѣры олтаремъ.

✲

Тебѣ, о Слава! посвящаю
И страсти и забавы я,
Въ тебѣ надежду полагаю,
Ты будь владычица моя!
Ты послѣ жизни скоротечной
Пребудешь мой свѣтильникъ вѣчной;
Ты огнь ума оставь со мной;
Отверзи мнѣ врата руками,
Чтобъ шедши славными путями,
Умреть и жить я могъ съ тобой.

ОДА

КЛЕВЕТА.

Какое страшное видѣнье
За мной повсюду въ слѣдъ грядетъ!
Какое адско изверженье
Въ очахъ ужасну смерть несетъ!
Призракъ свирѣпый и ужасный,
Отверзши челюсти опасны,

Изъ нихъ смертельной мещетъ ядъ;
И кромѣ лжи, коварства, спору,
И смертнымъ вѣчнаго раздору,
Не видимъ мы въ тебѣ отрадъ.

✿

О дщерь отъ зависти рожденна!
Твои я стрѣлы познаю;
Ихъ мещетъ злоба напряженна
Собравши силу всю свою;
Ты блещешь гнусными дѣлами,
Покрыта гибкими змѣями,
Которы грудь твою сосутъ;
Хоть ты съ покрытою главою:
Но громкой славишся трубою
И звуки дѣлъ твоихъ ревутъ.

✿

Съ тобой лукавствы, лесть, измѣны,
Грядутъ вблизи всегда тебя;
Въ пути имъ нѣтъ нигдѣ премѣны,
Они чтутъ стражами себя;
Твоихъ змїевъ всѣхъ ядовитыхъ,
Во тмѣ кромешной вѣчно скрытыхъ
Губишь, караешь и разишь;
Равно Сиренѣ той опасной,
Изъ устъ пускаешь голосъ ясной,
Подвластнымъ быть себѣ велишь.

✿

Свѣтильникъ свой ты отрясая,
Вблизи скрываешься Царей,
И Тизифоны гласъ внимая,
У трона сыплешь искры съ ней,
Коль скоро ты тущъ прибѣгаешь,
Изъ сердца жалость изторгаешь

Невинныхъ не внимая гласъ;
Отрады тотъ не получаетъ,
Съ тобой кто въ дружбѣ не бываетъ
Себѣ зритъ гибель всякой часъ.

✿

Надѣвъ Политики личину,
Чтобъ гнусныя сокрыть черты,
Къ самимъ Царямъ всю злость змїину
Простерть отважно смѣешь ты.
Ты ненависть всегда питая
И гнусны слухи разсѣвая,
Раждаешь ихъ и по Дворамъ;
Министра учинясь душою,
Невинность ты губишь собою
И злобнымъ предаешь бѣдамъ.

✿

И такъ скоропостижна слава
Послушавъ ложныхъ словъ твоихъ,
Разруша умственныя права,
По свѣту разглашаетъ ихъ.
Твои-то новости всѣ внемля,
Съ восторгомъ оныя прїемля,
Берутъ за правду словеса,
Европа дымъ твой поглощая,
Что ты свирѣпо изрыгая,
Въ порокъ то ставитъ, что краса.

✿

Ты ядомъ все то истребляешь,
Что намъ прїятно по дѣламъ;
Ты имена тѣ зацѣпляешь,
Что славны и любезны намъ:
Ихъ блескъ съ красой тебѣ опасенъ,
Коварнымъ очесамъ ужасенъ;

Кого, скажи, ты здѣсь щадишь?
Ты ковы Кесарю сплетала,
Сципіьона, Генриха ругала,
Ихъ лавры славны ты срамишь.

✲

Ни громка славой добродѣтель
Отъ срамныхъ устъ не избѣжитъ;
Великій ПЕТРЪ сему свидѣтель,
Что дѣлъ безсмертныхъ не щадитъ.
Дабы все поглотить геройство,
Разрушить въ свѣтѣ все спокойство,
Сбираешь много силъ своихъ;
Мгновенно оныя родятся,
Невинны трупы поглотятся
Отъ острыхъ челюстей твоихъ.

✲

Змѣѣ подобно троеглавной
Кусала Люксембурга ты,
И послѣ всей побѣды славной
Его ты тмила красоты.
Евгенія не пощадила,
Хотя его не помрачила,
Но страшенъ былъ ему твой взглядъ;
Среди вѣнцовъ и громкой славы
Его язвила честны нравы
Смертельный изпуская ядъ.

✲

Колберъ Министръ во славѣ громкой
Еще не встанетъ отъ тебя;
Отъ клеветы Французъ столь звонкой
Не чтилъ его и за себя:
При немъ Монархъ для нихъ любезной
И утѣшитель въ ихъ часъ слезной,

Почувствовалъ твой сильный рокъ,
Хотя не въ жизни, послѣ смерти
Не могъ съ себя удара стерти
И свой загладити порокъ.

✿

Твой острый мечь разящїй славу
Героевъ мертвыхъ воскрешалъ,
Поддерживалъ Царей Державу,
Упадшихъ снова возставлялъ.
Въ ущелины, въ вертепы мрачны,
Куда лучи небесъ прозрачны
Едва возмогутъ досягнуть,
И тамъ твой острый мечь сїяетъ;
Когда кого не поражаетъ,
Тяжелой вздохъ вздымаетъ грудь.

✿

Ужъ мнѣ твоя не страшна сила,
Не страшенъ яростный твой гнѣвъ,
Ты душъ чистѣйшихъ не щадила,
На всѣхъ равно отверзши зевъ.
Ты такъ коварствами обильна,
Что и Медуза малосильна,
Тебя чтобъ въ камень превратить.
Одно лишь время благотворно,
Отнявъ лице твое притворно,
Тебя удобно обличить.

✿

А вы, питомцы вѣроломны,
Чудовища сосавъ млеко,
Кидая злобы взоры томны
Стрѣлой язвите глубоко;
Вы въ кроткїй видъ себя облекши,
Зло людямъ совершить успѣвши

Раздоръ и пагубу возжечь:
Другимъ бѣды и ковы строя,
Не рушпе вы во мнѣ покоя,
Его не можете пресѣчь.

✿

И такъ подобно садъ прекрасной,
Гдѣ тьма трудолюбивыхъ пчелъ,
Летитъ въ нихъ трутень ихъ опасной
Алкая, что давно не ѣлъ;
Онъ хочетъ улей разорити,
И пчелъ безвинныхъ поразити;
Взлетаютъ на небо роемъ
Пчелы, грабителя бояся,
Подъ крылья матки прилѣпяся,
Онѣ спасенья ищутъ въ немъ.

✿

Когда невинность намъ любезна
Довольная судьбой своей,
Всегда пріятна и полезна,
Рачитъ о пользѣ всѣхъ людей:
Тогда ты звѣрскими руками
Вооружа себя мечами
И ихъ стараясь изострить,
Тотъ памятникъ разишь рукою,
Которой мудрость съ тищиною
Себѣ потщилась соорудить.

✿

Сто разъ видалъ развереты руки,
Коварно, ложно обнимать
И выхваляя мертвыхъ муки,
Живыхъ тѣмъ самымъ уличать.
Свирѣпство то, что ночь скрываетъ
Страшась лучей, прочь убѣгаетъ;

Подобно птицамъ тѣмъ въ слѣдахъ,
Съ возходомъ солнца что летаютъ
И крикомъ смертныхъ устрашаютъ,
Летятъ покровъ искать въ гнѣздахъ.

✡

О ты, презлобная ехидна,
Котора тщишся уязвлять!
Ты столь и алчна и безстыдна,
Что все стремишся заражать.
Я не берусь тя изправляти,
Оковы мщенья налагати.
Скорѣе можно изтребить
Чудовищъ въ Африкѣ живущихъ,
Тирановъ люту жизнь ведущихъ,
И звѣрство все ихъ сокрашить.

✡

И такъ пороки разглашенны,
По новизнѣ всегда плѣнятъ,
А имъ конецъ всегда есть вѣрный,
Порокомъ клеветы мерзятъ.
Единa мудра добродѣтель,
Невинность коей есть свидѣтель,
Противъ коварства востаетъ,
Одну себѣ беретъ въ защиту,
На жизнь свою всѣмъ не закрыту,
Потомству въ судъ себя даетъ.

✡

При всемъ томъ правда помраченна
Со славой купно возстаетъ,
На Велисарья ополченна,
Коварства сѣть свою беретъ.
Но клевета какъ издыхаетъ,
И духъ свой злобный изпускаетъ

Въ его потомственны вѣка,
Тогда коварство громкогласно,
Со правдою не бывъ согласно,
Течетъ, какъ быстрая рѣка.

НАДГРОБНАЯ
ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ.

Свершивъ теченье дней Великая въ женахъ,
Какъ солнце закатясь, почила въ сихъ странахъ;
Свѣтило передъ Ней лучи свои скрывало,
Докончило все то, чему далъ ПЕТРЪ начало.
Курися ввѣкъ предъ Ней сердечный ѳиміанъ,
Доколѣ свѣтъ стоитъ и слава Россіянъ.
Богиня чувствъ, сердецъ, покоя, тишины,
Лила избытокъ благъ въ окрестныя страны.
Какъ Ангелъ Сѣвера была во свѣтѣ семъ,
Щедротами Ея въ Россіи былъ Едемъ.
Дивился шаръ земной дѣлами Героины,
И пали седмь морей къ стопамъ ЕКАТЕРИНЫ.
Строптивые враги, Шведъ, Турокъ и Полякъ,
Съ поникшею главой почтенно смотрятъ зракъ
Той, коя имъ въ плѣну щедроты предлагала,
И человѣка зря, врага позабывала.
И камень, что надъ Ней нечувственной дрожитъ,
Борей склонясь упалъ, умолкъ и не шумитъ;
Гласитъ: „На Сѣверѣ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ какъ солнце къ намъ взираетъ.„

ОДА
ГРАФУ
АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

отъ

П. К. А. Г.

1796.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-

РЫМНИКСКОМУ,

Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первыхъ степеней, Прускаго краснаго и черного Орла и Св. Анны Кавалеру.

О Д А.

На случай взятія Праги Г. Суворовымъ и других Его побѣдъ въ Польшѣ.

Восторгомъ чистымъ вспламененный,
Мой духъ превыше звѣздъ паритъ!
Объемлетъ тамъ мѣста священны,
Въ блестящей славѣ Росса зритъ;
Ему во славу плещутъ длани;
Гдѣ появится въ полѣ брани,
Онъ правитъ сердцемъ и рукой.
Онъ правдой выше Аристида,
Онъ въ брани Марсова Егида,
Се настоящій есть Герой!

✿

О ты, отъ неба мужъ намъ данный,
Отецъ всѣхъ воиновъ своихъ,
Вѣнцомъ лавровымъ увѣнчанный,
Подпора нашъ, надежда ихъ!
МОНАРХИНѢ вѣнки сплетая,
Себѣ безсмертье доставляя,
Имѣя острый мечь въ рукахъ,
Гордыню варвара смиряешь,
За ковы жестоко караешь
И сыплешь трепетъ, громъ и страхъ.

Какъ древлѣ Кодръ вездѣ ужасный,
Не знаешь роскоши и нѣгъ,
Врагамъ Россіи столь опасный
Ты огнь и воды пренебрегъ.
Летишь! . . . къ сраженью Марсъ кровавой!
Къ тебѣ Беллона съ громкой славой

Спѣшитъ со звучною трубой
Туда, гдѣ шагъ, есть шагъ кончины,
Она съ тобой рѣшитъ судьбины
И грянетъ громъ твоей рукой.

✲

Престола твердая подпора,
Отечества надежный сынъ!
Ты прекратя плоды раздора
Въ тотъ день. . . въ день лучшій даръ судьбинъ,
Что къ Вислѣ возлетѣвъ высоко,
Границы распростеръ широко,
Сармата буйна покорилъ;
Къ продерзости воззрѣвъ сурово,
Рекла ЕКАТЕРИНА слово —
И ты все въ бѣгство обратилъ!

✲

Я гласъ вселенной возвѣщаю,
Гласитъ что Марсъ и Апполонъ;
Я звуку лиры ихъ внимаю,
Что нашъ Суворовъ Сципіонъ:
Онъ всю вселенну удивляетъ
Орелъ на знаменахъ летаетъ,
Твои спѣшатъ Алкиды въ бой,
Съ улыбкой къ смерти всякъ подходитъ,
На память то себѣ приводитъ
Что сердцемъ мужъ, что всякъ герой.

✲

Изъ нѣдра водъ своихъ глубокихъ
Къ Сармату быстрой Бугъ вопитъ,
И на брегахъ своихъ высокихъ
Съ полками вождя Росска зритъ.
Онъ имъ единымъ удивленный,
Ему быть хочетъ покоренный,

О Польша! жди тѣхъ злыхъ плодовъ,
Сама которы насаждала,
Какъ противъ Россъ возстать дерзала,
Се Марсъ карать тебя готовъ.

✿

Россія Бога прославляя
Благословенна съ высоты:
Онъ насъ десницей награждая,
Даруетъ новы красоты,
Крѣпитъ въ трудахъ неизмѣримыхъ,
Имѣя вождей прозорливыхъ,
Грядемъ, гдѣ громъ войны гремитъ,
Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ,
Гдѣ смерть ужасна сѣмя сѣетъ,
Земля дымится и дрожитъ!

✿

Сію союзницу лукаву
Какъ можемъ мы не побѣдить?
Пожнемъ мы паки нову славу,
Враговъ потщимся сокрушить.
Прорцы намъ Мать изъ устъ лишь слово,
Злодѣевъ все карать готово;
Рекла . . . и се на брань текутъ!
Текутъ полночны Марсы смѣло,
Едина грудь, едино тѣло,
Едину душу всѣ несутъ.

✿

Едва денница возсіяла,
Взмахнула смерть свою косу,
Вспрянувъ, съ восторгомъ пролетала!
Въ томъ страшномъ роковомъ часу
Грядутъ безсмертны полубоги
Какъ въ мирны брачные чертоги.

Уже огнемъ трясется понтъ,
И грознымъ копiемъ ЦАРИЦЫ
Низверженъ будетъ съ колесницы
Сарматской гордый Фаетонтъ.

✿

Уже весь воздухъ погустился,
Ужасный дымъ мѣста повилъ;
Страхъ, трепетъ, шумъ вездѣ разлился
И Польскiй лагерь воспалилъ,
Картечи, ядры засвистали
И жерлы мѣдныя взорвали
Подобно бурямъ подъ землей;
Съ стремленьемъ все опрокидая,
На воздухъ съ трескомъ возлетая,
Во всей свирѣпости своей.

✿

Какъ тигры гнѣвомъ разъяренны,
То въ дебри, то въ поля бѣгутъ;
Поляки вождемъ возбуждены
Ужасну смерть съ собой несутъ.
Но Росса то не устрашаетъ,
Онъ буйности ихъ не внимаетъ,
Штыкомъ разитъ вездѣ своимъ,
Огнемъ геройскимъ лишь палится,
Какъ снопъ Полякъ вездѣ валится,
Не можетъ совладѣть онъ съ нимъ.

✿

Повсюду смерть у Россъ летаетъ,
Коситъ своихъ, гдѣ срѣтитъ, жертвъ;
Мечь пламенный вездѣ сверкаетъ,
Вездѣ изъязвленъ врагъ иль мертвъ!
Внезапно ужасомъ пронзенны,
Стремятся вспять всѣ пораженны;

Враги чрезъ долы и луга
Подобно съ горъ лучи стекаютъ,
Коль въ жарки дни когда растаютъ
Весной глубокіе снѣга.

✿

Колико зрю смертей различныхъ!
Иной безъ ногъ стремится встать;
Увидя воиновъ отличныхъ
Желаетъ хоть конца узнать;
Иной — — упавши на колѣни,
Покрытъ завѣсой смертной тѣни,
Еще разитъ врага презрѣвъ;
Иной отъ слабости нѣмѣя
И смерть свою въ глазахъ имѣя,
Въ лицѣ еще являетъ гнѣвъ.

✿

Уже Костюшко самъ уходитъ
Не зря надежды никакой;
Спасенье въ бѣгствѣ онъ находитъ;
Постыдно оставляетъ бой . . .
Увидя то Полякъ страшится,
Въ отчаяньи за нимъ стремится,
Бѣжишь ты самъ лишенный силъ!
И се ты зри плоды обмана,
Твоя надежда вся попрана,
Себя ты коей дерзко льстилъ.

✿

Тогда сей громъ въ лѣсахъ раздался,
Завыли мрачные лѣса!
По дебрямъ, холмамъ умножался,
Покрылись дымомъ небеса.
Послѣдни силы напрягаешь,
Весь воздухъ крикомъ наполняешь,

Но тщетно льстецъ ихъ ободрялъ:
Желая казни удалиться,
Въ мгновенье воинъ нашъ стремится
Мечемъ сраженъ; ты въ плѣнъ попалъ.

✲

Въ другой странѣ намъ крылась буря,
Сверкалъ на небѣ грозный лучь,
Покрылась чернью вся лазуря,
Ударилъ громъ изъ мрачныхъ тучь!
Нигдѣ въ Варшавѣ нѣтъ спасенья,
Вездѣ лишь гибель, смерть, крушенья,
Вся бездна яростна кипитъ,
Громады камней съ ревомъ мещутъ,
Кипячу смолу въ Росса плещутъ
Рука коварная дивитъ.

✲

Се зависть ослѣпила очи,
Въ сердца ихъ изливая ядъ,
И въ мракѣ сей ужасной ночи
Подъ Россамъ разверзали адъ:
Подобно въ безднѣ буряноситъ,
Пловцовъ когда до верьху броситъ
И купно въ яры глубины;
Уже безъ мачты, безъ кормила,
Гребцовъ изчезнетъ духъ и сила,
Ужасной бурей сражены.

✲

О Ты, всѣхъ нашихъ дѣлъ корона,
Минерва! ты межъ насъ цвѣтешь
Для вѣчности Россійска трона
Изъ насъ себѣ плодъ вѣчный жнешь;
На зыблемыхъ пескахъ вселенной
Тобою Россъ одушевленной

Во четырехъ земли концахъ
Дивитъ народы повсечасно,
Бросаетъ онъ перунъ ужасно,
Гласитъ: — — умри Россіи врагъ!

✲

Ты перстомъ Прагу показала:
Узнавъ во Польшѣ умыслъ злой,
И се! она возтрепетала,
Когда подшелъ къ стѣнамъ Герой;
На валы, пушки не взираетъ,
На страшну гору наступаетъ,
Самихъ враговъ онъ удивилъ.
Не Марсъ ли то ожесточенной
За Россъ невинныхъ ополченной,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

✲

Все славитъ здѣсь ЕКАТЕРИНУ,
Всякъ тщится отчеству служить;
Въ Ней зримъ Величества причину,
Готовы полубогомъ чтить.
Ей посвященъ законъ любови,
Щедрота, милость, узы крови,
Въ злодѣяхъ зритъ уже рабовъ;
Они ничто. . . . и се прощаетъ,
Велика есть. . . . Она не знаетъ
Жестоко мстить, карать враговъ.

✲

Уже стыдятся тѣ народы
Себя что чтили выше насъ;
Открыты тайны намъ природы
Ея тобой познали гласъ.
Творецъ съ высотъ блестяща трона,
Во славу Своего закона

Готовитъ миръ всѣмъ и покой.
А чтобъ прославить Себя болѣ,
ЕКАТЕРИНУ на престолѣ
Хранитъ всесильною рукой.

ПОСВЯЩЕНІЕ МОЕ
Таліи, Музѣ комедій.

Я Таліи посвящаю
Первые свои труды;
Въ нихъ не видны, я то знаю,
Славныхъ Авторовъ слѣды.
Вижу издали дорогу
Коей нашъ учитель (*) шелъ:
Критикуй, да понемногу,
Что вступить въ нее посмѣлъ.

✿

Славной Геній Россіады
Здѣсь перомъ не управлялъ;
Ни преложникъ Иліяды (**);
Я равняться не дерзалъ.
Жду я помощь съ Геликона,
Жду покрова отъ тебя,
У твоихъ я ногъ — у трона,
Защити! — поднявъ меня.

✿

Усмѣхнись! — и брани злобной
Ты вели не возставать;
Ей легко! — языкъ двусловной
Скоро можетъ ядъ пускать. . .

(*) Мольеръ. (**) Костровъ.

Пусть и критикъ и хулитель
Яко черный вранъ летитъ:
Онъ покоя нарушитель,
Умной взоръ не отвратитъ.

✿

Я дрожащею рукою
Здѣсь перо свое веду. —
Коль подъимешь; — то съ тобою
Бодрой ступью я пойду.

ПОСЛАНІЕ МОЕ КЪ ЩАСТІЮ.

Щастье, щастье златокрыло,
Гдѣ тебя найти - - - скажи?
Обо мнѣ ты позабыло.
Но хоть слѣдъ свой укажи.
За тобой вездѣ гонялся,
И къ тебѣ поспѣшно шелъ,
Но съ тобой не повстрѣчался
И тебя я не нашелъ,
Я въ палатахъ знатныхъ барскихъ
Всѣ углы пересмотрѣлъ,
И у жителей Парнасскихъ
Былъ, искалъ, и не нашелъ.
Лошадей своихъ измучилъ,
Кучеровъ своихъ скружилъ,
Всѣмъ прохожимъ надокучилъ,
Все искалъ и все тужилъ.
На весельяхъ знаменитыхъ,
Гдѣ реветъ музыки гласъ,

И въ убѣжищахъ сокрытыхъ,
Гдѣ за рубль пускаютъ насъ.
Между пышности и славы,
Гдѣ и злата и порфиръ
Зрѣлъ пріятныя забавы,
Зрѣлъ, чему дивится міръ,
Все я видѣлъ, все обшелъ,
Но я щастья не нашелъ.
Иногда видалъ я Креза,
Какъ онъ тяжко воздыхалъ;
Хоть богатая трапеза
Передъ нимъ, но онъ стеналъ.
А казалось, чтобы можно,
Щастье! жить ему съ тобой.
Но манишь ты только ложно,
Не даешь играть съ собой.
Я иныхъ Сардонапаловъ
Между тмы видалъ красотъ,
На весельи и средь баловъ,
Зрѣлъ средь скуки и заботъ;
Всѣхъ вельможей тѣхъ богатыхъ,
Всѣхъ почти я обошелъ,
У скупыхъ, у тороватыхъ
Былъ, искалъ, и не нашелъ.
Даже въ хижинѣ убогой,
Щастье! я тебя искалъ;
Шелъ проселошной дорогой,
Объ тебѣ вездѣ взывалъ,
На поляхъ между настушекъ,
Гдѣ слыхалъ свирѣли гласъ,
Межъ ихъ пѣсенъ и игрушекъ,
Вопрошалъ я по сту разъ:
Нѣтъ ли щастья между вами?
Но отвѣту не имѣлъ.

Хоть твоими я слѣдами
Шелъ, искалъ, и не нашелъ.
Тутъ, гдѣ вѣрные супруги,
Гдѣ зрѣлъ нѣжнаго отца,
Гдѣ нелицемѣрны други,
И гдѣ чистыя сердца,
Къ щастью мы стезю прямую
Тутъ казалося найдемъ:
Нѣтъ! сказали; жизнь презлую
Мы въ семьѣ своей ведемъ.
Гдѣжь ты, щастье, обитаешь?
Дай мнѣ голосъ, оживи;
Гдѣ ты точно пребываешь,
То мѣстечко объяви.
Среди всѣхъ веселїй ложныхъ,
Все на свѣтѣ обозрѣлъ,
И въ собранїяхъ возможныхъ
Былъ, искалъ, и не нашелъ.

СТИХИ

На смерть друга Ивана Егоровича Баскакова.

Невольно изъ очей моихъ токъ слезной льется!
Среди цвѣтущихъ лѣтъ прїятеля лишенъ.
Се плачь, сердечной плачь по дому раздается.
Кто здѣсь добромъ сїялъ, тотъ въ гробѣ положенъ. —
О смерть жестокая! ты лѣты прекращаешь.
Ты все, всегда, вездѣ въ прахъ тонкой обращаешь.

Едва мы ступимъ шагъ, то къ смерти шагъ одинъ.
Чтобъ въ нову жизнь войти, чрезъ смерть на то родимся.
Почто же суетой здѣсь много веселимся!
Что мигъ веселія, то къ смерти сто причинъ.
О время! ты летишь, чтобъ вспять не возвратиться.
На огненныхъ крылахъ все можешь унести;
И быстра молнія едвали съ тобой сравнится.
Но можетъ доброта и въ вѣчности цвѣсти.
Баскаковъ! тлѣнной трупъ твой въ гробѣ почиваетъ,
Признательныхъ сердецъ слезами орошенъ;
Доброта домъ тебѣ на небѣ созидаетъ,
Домъ чистыхъ радостей, гдѣ будешь ты блаженъ.
Не типлы на землѣ, любилъ ты добродѣтель;
Ты сирыхъ былъ покровъ, коварствъ гнушался ты,
Я кротость зналъ твою, былъ добрыхъ дѣлъ свидѣтель,
Ты истинну любилъ, и бѣгалъ суеты;
Скосила смерть тебя! но тотъ не умираетъ,
Кто памятникъ добротъ на свѣтѣ оставляетъ;
Всѣхъ больше пирамидъ, свѣтлѣйшій всѣхъ вѣнецъ,
Что память о тебѣ живетъ среди сердецъ. —

ЭПИГРАММА.

Темира! ты гордишся,
Что зубы цѣлы всѣ твои.
Чему, Темира, такъ дивишся?
Вить то другіе, не свои;
Кампьони тьму ихъ передѣлалъ,
И тритцать два тебѣ онъ сдѣлалъ.

СВѢТСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ,

или

НРАВЫ ВѢКА,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненія Г. Гаррика.

Перевелъ два Дѣйствія, а третіе придѣлалъ

Князь Алексѣй Голицынъ.

ВЪ МОСКВѢ,

1798 года, Февраля 12 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФЪ } Добротоновы.
ГРАФИНЯ }

БАРОНЪ ПРАВДИНЪ, Дворянинъ живущїй въ деревнѣ, дядя Княжны Наряжаловой, а братъ двоюродной Графини.

КНЯЖНА НАРЯЖАЛОВА, родственница Графин.

ПОЛКОВНИКЪ МИЛОВЗОРОВЪ, женихъ и любовникъ Графини.

АНДРЕЙ } Слуги Графскїе.
ПЕТРЪ }

МАША, служанка Графинина.

ДАВЫДЪ, слуга Правдина.

(Дѣйствїе въ городѣ въ Графскомъ домѣ.)

СВѢТСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ,
КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ГРАФИНЯ, КНЯЖНА.

ГРАФИНЯ.

Не думай, чтобъ грусть моя происходила отъ любви къ Графу; я его и въ женихахъ не любила; а ты знаешь, любезная сестрица, что рѣдко нынѣшнія замужства прибавляютъ нашей любви и добраго расположенія; но самолюбіе мое тронуто тѣмъ, что всякой женщинѣ равно со мною приноситъ свои жертвы.

КНЯЖНА.

Ха, ха, ха, ха! возможно ли статься, чтобъ ты по сю пору еще то примѣчала? Но скажи мнѣ, любезная Софія, не уже ли ты замѣтила еще новую страсть своего мужа? —

ГРАФИНЯ.

Я ево давича встрѣтила поутру въ саняхъ съ какой-то дѣвчонкой, которая была укутана въ превеликомъ капорѣ, и отъ того не могла ее узнать. — Такъ мнѣ опротивѣли съ тѣхъ поръ большіе капоры, что я хочу непремѣнно, чтобъ ты всѣ свои сожгла.

КНЯЖНА (*тихо про себя*).

Не уже ли она меня подозрѣваетъ? — (*въ слухъ*) А вы, Графиня, однѣ ли были, какъ встрѣтили Графа?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, я была съ Полковникомъ Миловзоровымъ въ моемъ vis à vis.

КНЯЖНА.

Тебѣ, думаю, душенька, не скучно было. — Ты жаловаться не можешь.

ГРАФИНЯ.

Я сидѣла съ другомъ Графа, съ любовникомъ и женихомъ моей подруги. (*Беретъ у нее руку*) Ахъ, моя милая! ужели ты во мнѣ усомнилась, или въ моей дружбѣ?

КНЯЖНА.

Любовь и дружество имена очень употребительныя въ свѣтѣ; всякой хвастаетъ ихъ знать, но . . . (*глядитъ на Графиню лукаво*) естьлибъ онѣ постучались у твоихъ дверей, приняла ли бы ты ихъ къ себѣ, Графиня?

ГРАФИНЯ.

Ты очень учтива, голубушка.

КНЯЖНА.

Благодаря своему воспитанїю, я чувствую себя хладнокровною къ тѣмъ вещамъ, кои могутъ тебя печалить. Обычай принуждаетъ дѣвушекъ выходить за мужъ, и я подвергаюсь, такъ какъ и прочїя, несносному сему игу; но естьлибъ я имѣла слабость любить своего мужа, то весьма бы дурное мнѣнїе взяла о своемъ разсудкѣ.

ГРАФИНЯ.

Не хвастая собою, я могу увѣрить, что нѣтъ благородной женщины, которая бы болѣе пренебрегала своего мужа, и мой почтенной Графъ Добротонѣвъ, помѣщикъ 3000 душъ, на мои глаза ни что.

КНЯЖНА.

Мнѣ мудрено, какъ имя супруга перемѣняетъ мысли. Ты сама признаться должна, что Графъ имѣетъ свои достоинства.

ГРАФИНЯ.

Достоинства! — возможно ли! — скажи, пожалуй, какія? мнѣ хочется знать, извѣстныли онѣ тебѣ? — Меня то повеселитъ.

КНЯЖНА.

Начнемъ съ того, что онъ имѣетъ видъ благороднаго человѣка.

ГРАФИНЯ.

Вотъ и все, однако при всемъ томъ видъ глупой; продолжай.

КНЯЖНА.

Онъ очень строенъ и статенъ.

ГРАФИНЯ.

Фигура его изрядна, правда, но разстроенное здоровье и слабое.

КНЯЖНА.

Онъ не дуракъ.

ГРАФИНЯ.

Ну! умъ большой на вздоры.

КНЯЖНА.

Добраго нрава.

ГРАФИНЯ.

Какая мудрость! — Онъ простякъ.

КНЯЖНА.

Ты признаешься, что его достатокъ. - -

ГРАФИНЯ.

Очень великъ, — но онъ играетъ, и естьли будетъ употреблять одну честность въ игрѣ, то онъ разоренъ; естьлижъ ее позабудетъ, то достоинъ презрѣнія — и тогда прощай всѣ Графскія достоинства! - - - Однако время пуститъ намъ почтеннаго и разсудительнаго нашего дядюшку Барона Правдина. — Знаешь ли гдѣ онъ?...

КНЯЖНА.

Думаю, что въ своей комнатѣ читаетъ газеты и Эпиграммы, писанныя на щетъ свѣтскихъ обращеній, не взирая на мои упованія обогатиться отъ него. Естьли онъ еще пробудетъ недѣлю въ Москвѣ; то я все кину и вѣрно съ нимъ побранюсь.

ГРАФИНЯ.

Я хотя его и любимица, однако предвижу, что буду имѣть ту же участь; нѣтъ силъ болѣе спорить съ нимъ; несносное мученіе! — Смѣшнѣе же всего, что опороча всякое наше предпріятіе и всякую забаву, онъ кончитъ свою мораль тѣмъ, что скажетъ: вы извините меня, надѣюсь.

КНЯЖНА (*смѣется*).

Странной человѣкъ! Отгадай, что Скиѳъ сей вчера сказалъ мнѣ? — Пришелъ въ мою комнату съ пасмурнымъ лицемъ; два локона — изъ его парика лежали на его плечахъ... на шее у него длинной платокъ, обшитой узенькимъ кружевомъ,

сквозь золотое кольцо продѣтъ былъ въ третью петлю его кафтана: онъ совсемъ похожъ былъ на маленькаго моего пудаля (*). Племянница, закричалъ онъ мнѣ пѣтушьимъ голосомъ, я неодобряю твоихъ поступокъ какъ общественныхъ, такъ и домашнихъ. — Что вамъ въ нихъ не показалось? сказала я ему съ сердцемъ. — Многое, чего я тебѣ пересказать не имѣю времени, отвѣчалъ онъ; но естьли будешь ты жить ежечасно въ Московскихъ весельяхъ; то голова твоя вскружится, упадешь, и вмѣсто имени надежды останешься при одномъ названіи дѣвицы. — Извини меня, племянница! — Молвилъ, и пошелъ вонъ.

ГРАФИНЯ.

Какой дикарь!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Прежніе и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

Вотъ карточка Княгини Достойновой.

ГРАФИНЯ.

Подай! - - - бѣдная Достойнова довольна лишь тогда бываетъ, какъ ѣздитъ къ Графамъ и къ Князьямъ, и къ Генераламъ. (*Читаетъ*) Княгиня „Достойнова при засвидѣтельствованіи своего почтенія Графинѣ Добротоновой и Княжнѣ Наряжаловой, проситъ дозволенія пріѣхать къ нимъ, „чтобъ вмѣстѣ пуститься въ публичной маскерадъ.„ О! конечно, конечно мы будемъ имѣть эту честь. Петръ! поди положи нѣсколько визитныхъ билетовъ на мой туалетъ, а я уже пошлю

(*) Названіе собачки.

отвѣтъ: скажи Андрею, чтобъ онъ мнѣ принесъ роспись визитамъ, которые онъ вчера за меня развезъ, да пошли кого нибудь къ Княжнѣ Мухиной отвести ей билетецъ; а естьли по нещастію она дома, то спросить о ея здоровьѣ, потому что она свихнулась.

КНЯЖНА.

Не позабудь сказать, что и я кланяюсь ея ногѣ. (*Петръ уходитъ*).

ГРАФИНЯ.

Безмѣрная толщина этой Княжны помѣшаетъ ей скоро выздоровѣть; я право не поспѣшу скоро ее навѣщать; она всегда почти дома; но у меня Митрень страшная. Пожалуй вели сказать Полковнику, что я его дожидаюсь играть съ нимъ въ шашки; онъ тѣмъ болѣе меня занимаетъ, что я знаю, сколько онъ нравится тебѣ (*цѣлуетъ Княжну*). Я все то люблю, что любитъ мой другъ.

КНЯЖНА (*насмѣшливо*).

О! я очень увѣрена.

ГРАФИНЯ (*про себя*).

Насмѣшливая ея улыбка мнѣ не нравится. (*въ слухъ*) Прощай мое сердце! я пойду писать визитныя карточки и приготовляться къ Маскераду; когда таковыя упражненія болѣзни моей не прогонятъ, то ты поможешь мнѣ пособить бѣсить моего мужа (*уходитъ*).

КНЯЖНА (*одна*).

Тебя-то я хочу взбѣсить! — Графъ узнаетъ какъ нашъ разговоръ, такъ и тотъ, которой будетъ у тебя съ Полковникомъ. Бѣдное ты животное, сестрица! самолюбіе твое для меня забавно. Полковникъ ей очень полюбился, а мое

имѣніе Полковнику: я Графу очень не противна; любовные его разговоры меня утѣшають; здѣшняя дѣвушка слушаетъ ихъ не помрачая добродѣтели: она послѣдуетъ бабочкѣ, но не лѣтитъ на свѣчу, дабы не ожечь себѣ крылья. Какая перемѣна въ этомъ домѣ назадъ тому мѣсяцовъ пятнадцать! Мы сперва похожи были на старой Скиѳской народъ. Графъ любилъ Графиню, или покрайней мѣрѣ они были согласные супруги; шесть мѣсяцовъ пожили въ Парижѣ, да зиму пробывъ въ Италіи вдругъ перемѣнились и приготовили наши сердца и головы къ принятію свѣтскихъ обращеній. — Но вотъ и Полковникъ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

КНЯЖНА, ПОЛКОВНИКЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Можноль мнѣ польститься надеждою, что я былъ причиною размышленій Вашего Сіятельства?

КНЯЖНА.

Когда кто коротко васъ знаетъ, то легко повѣритъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ахъ, сударыня! такое увѣреніе наполняетъ радостію мои чувства. — Я щастливой смертной, когда лучшую въ Европѣ женщину заставляю думать о себѣ.

КНЯЖНА.

Тотчасъ лесть! всё узнать скоро можно.

ПОЛКОВНИКЪ.

Божусь вамъ моею честью! —

КНЯЖНА.

Ваша честь имѣетъ свою цѣну въ картахъ и противъ непрїятеля.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы меня всегда браните: ужели вамъ еще надо божиться, что съ тѣхъ поръ, какъ я себя вамъ посвятилъ, оставилъ все свои пороки.

КНЯЖНА.

Коль скоро будете моимъ супругомъ, то скоро опять съ ними познакомитесь.

ПОЛКОВНИКЪ.

Чтожъ я дѣлать долженъ, дабы вамъ понравиться?

КНЯЖНА.

Исполнять всѣ мои прихоти.

ПОЛКОВНИКЪ.

Но долго ли будетъ мнѣ ждать моего благополучїя?

КНЯЖНА.

Сама не знаю. — Старайся нравиться.

ПОЛКОВНИКЪ.

Какимъ же образомъ и что мнѣ начинать?

КНЯЖНА.

Вотъ хорошей вопросъ для военнаго человѣка! когда вамъ надобно будетъ сражаться съ хитрымъ непрїятелемъ; то не забавляйтесь одними словами, идите къ нему прямо, бейте въ барабанъ, зажигайте фитиль, стрѣляйте по немъ и тотчасъ послѣ побѣды уходите такъ, на примѣръ, какъ и я. (*хочетъ итти*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Остановись, жестокая!

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ мнѣ времени, умирать со скуки! у Графини Мигрень; она васъ дожидается играть въ шашки; у Графа Шпленъ; мнѣ надобно съ нимъ играть въ Пикетъ, и головную его боль уменьшить; а что хуже всего, то дядя мой очень сердитъ. — Онъ непремѣнно хочетъ, чтобъ я васъ оставила и съ нимъ бы поѣхала въ деревню.

ПОЛКОВНИКЪ.

Но выслушайте хотя слово.

КНЯЖНА (*подходитъ къ нему нѣсколько шаговъ*).

Когда вы ордера своего Генерала не послушаете, то васъ за то наказываютъ. -- Мѣшкая здѣсь, вы раздражите Графиню. Ну что тогда останется вамъ дѣлать? Подите къ ней; я хочу повиновенія прежде моего брака, а послѣ постараюсь удержать оное, дабы доказать, что я достойна своего воспитанія (*уходитъ*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Какая вѣтрѣница! естьлибъ я имѣлъ нещастіе любить ее: слова бы ея привели меня въ отчаяніе; но я въ этой женщинѣ ищу только богатства. — Надо стараться неупустить такова случая; но вотъ и Баронъ! Скроемся отъ него, и пойдемъ къ Графинѣ узнать ея желанія.

ЯВЛЕНІЕ 4.

БАРОНЪ и ДАВЫДЪ.

БАРОНЪ.

Замолчи, Давыдъ, ты говоришь такъ, какъ Пустословъ.

ДАВЫДЪ.

Нѣтъ, Господинъ Баронъ; здѣшней городъ прекрасной городъ: охотно бы я прожилъ вѣчно въ немъ.

БАРОНЪ.

Ахъ какая перемѣна послѣ моей молодости! чѣмъ болѣе назадъ оглядываюсь, тѣмъ болѣе печалюсь и огорчаюсь. Насилу узнать можно этотъ городъ. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не то было: париковъ большихъ не видно, распущенныхъ и прямыхъ волосовъ такъ же... всѣ мущины, отъ военнаго до повара, носятъ разпудренные шиньіоны, большіе пучки, или кошельки; Доктора, портные, лакѣи все убираются, какъ дѣвки.

ДАВЫДЪ.

И я, сударь, завтра похожъ буду на человѣка: лучшей здѣшней паликмахеръ подвяжетъ завтра мнѣ косу, или пучокъ; а то мы съ вами, Г. Баронъ, похожи теперь на Филистимсвъ между здѣшнимъ народомъ.

БАРОНЪ.

Какъ скоро ты ко мнѣ придешь съ пучкомъ; то я тебѣ проломлю голову! Я новостей и затѣй не люблю. - - Даже и на улицѣ перемѣны таковыя чувствуешь, каково что онѣ такъ же гладки, какъ въ саду дорожки? Нѣтъ удовольствія по нихъ ѣздить уже болѣе; онѣ тебя не

трясутъ; на нихъ засыпаютъ; кучеръ имѣя шнурокъ на своей рукѣ разбужаетъ иногда своего ѣздока и потянувъ за оное сказываетъ, что пріѣхали къ мѣсту . . . Какая роскошь! какая нѣга! о времена!

ДАВЫДЪ.

А я не вашего мнѣнія, Г. Баронъ; я люблю прохлады.

БАРОНЪ.

Ты долженъ ненавидѣть большіе города; бѣгать ихъ.

ДАВЫДЪ.

Да какъ же мнѣ то сдѣлать? Все въ нихъ нравится, все хорошо, все чувствамъ моимъ пріятно.

БАРОНЪ.

Все здѣсь ложъ и обманъ.

ДАВЫДЪ.

Покрайней мѣрѣ не кареты, не извощики, ни то множество людей, въ здѣшнихъ, улицахъ встрѣчающихся, -- кои толкаютъ, глядятъ на насъ, ступаютъ на ноги. -- Ахъ, сударь! ужели обманъ и сіе великое множество хорошихъ вещей, примѣчаемыя вездѣ, богатыя и великолѣпныя лавки, гдѣ находишь все то, что и уму непостижимо: иллюминаціи, фейерверки, а особливо тѣ красавицы, г. Баронъ, столь милыя, учтиво зовущія васъ въ гости? Говорятъ часто о деревенскихъ, но онѣ въ половину нестоятъ здѣшнихъ. Послѣднія такъ, какъ вишню красноватую и бѣлую живость имѣютъ.

БАРОНЪ.

И ты не видишь, слабоумной, что то нещастныя, оставленныя промысломъ Божіимъ?... ла-

скаютъ, чтобъ скорѣе погубить, однимъ словомъ, все Iезавели; кои бѣлятся, чтобъ лучше обмануть, а тѣ, кои прельщаются ими... будутъ разорваны собаками, какъ древняя Iезавель; естьли ты только посмѣешь на нихъ посмотрѣть, то осквернишься; коль поговоришь, то умрешь! ---

ДАВЫДЪ.

Помилуйте, сударь, какъ вамъ это все знать? ужели онѣ таковы же были въ вашей молодости?

БАРОНЪ.

И въ половину несхожи на прежнихъ! -- Послушай, Давыдъ! тогда худшая изъ нихъ наблюдала благопристойность; а нынѣ сiи нещастныя похожи болѣе на львицъ; становятся въ закаулкахъ, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе доставать свою добычу, бросаются на нее и увлекаютъ въ свои ущелины. Посмотри, посмотри, что онѣ сдѣлали съ моимъ галстукомъ!

ДАВЫДЪ.

Естьлибъ вы съ ними обходились вѣжливѣе г. Баронъ; тобъ онѣ васъ лучше сберегли.

БАРОНЪ.

Хорошо, хорошо! мы какъ возможно скорѣе отсюда уѣдемъ. --

ДАВЫДЪ.

Ѣхать! не менѣе какъ чрезъ мѣсяцъ. -- Мнѣ Москва еще долго не наскучитъ.

БАРОНЪ (*холодно*).

Коль позабудешь ты мое нравоученiе, то я во весь вечеръ не отпущу; а завтра ты весь день просидишь въ моей комнатѣ - - до тѣхъ поръ, покамѣстъ я не перегляжу своихъ вещей. - - Но смотри, чтобъ тебя не обманули!

ДАВЫДЪ (*печально*).

Г. Баронъ видно не хочетъ сдержать свое слово.

БАРОНЪ.

Какое слово?

ДАВЫДЪ.

Вы обѣщали нынѣшней день пустить меня въ Театръ и пожаловать 25 копѣекъ, а завтра на звѣриную травлю за гривну.

БАРОНЪ.

Хорошо, правда твоя, поди ноньче: но какая Комедія? много ли въ ней нравоученія?

ДАВЫДЪ.

О! очень много! Свѣтское Обращеніе или картина вѣку. --

БАРОНЪ (*даетъ деньги*).

Тѣмъ лучше; будь уменъ, а я и завтра слово свое сдержу. На! возьми деньги. Но по окончаніи зрѣлища тотъ часъ приходи; я рано лягу спать.

ДАВЫДЪ.

Не премину, сударь, исполнить вашу волю (*про себя*) ну, коль отпустилъ, такъ до завтра не увидишь.

БАРОНЪ (*одинъ*).

Какъ опасно пребываніе въ большихъ городахъ! я вздыхаю о минутѣ возвращенія моего въ деревню; впредь только польза отечества моего выведетъ меня изъ оной. Племянница моя Надежда утопаетъ въ веселіяхъ и забавахъ; боюсь, что мнѣ не льзя будетъ избавить ее отъ погибели. Для успокоенія моей совѣсти я стараться буду увлечь ее отъ сего бѣдственнаго вихря; молодыя женщины нынѣшняго вѣка питаютъ свое сердце безразсудными предпріятіями. --

Неблагопристойные взгляды, пустословіе, безнравственность! . . . . Сидятъ до утра, а день проводятъ въ постелѣ . . . Естьли говорятъ . . . такъ только на щетъ другихъ . . . Вымышляютъ пороки, и только молчатъ, когда играютъ въ карты - - - o tempora! o mores! Чтобъ никто не ошибся въ ихъ нравахъ, онѣ себя украшаютъ въ перья . . . Пойдемъ разсуждать о дурачествахъ свѣтскихъ обращенiй; я вижу Графа Добротонова. — Выдемъ отсюда.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ГРАФЪ (*въ атласномъ шлафоркѣ*), за нимъ **ПЕТРЪ** и **АНДРЕЙ**.

ГРАФЪ.

Пожалуй меня оставь, Петруша! дай мнѣ вздохнуть. - - - Ужель ты думаешь, что Графская голова должна заниматься только своей уборкой. Подай мнѣ кафтанъ!

ПЕТРЪ.

Примѣтно, Ваше Сіятельство, что вы проигрались; васъ не льзя было мнѣ и причесывать; впредь изволите взять кого нибудь другаго. (*уходитъ*)

ГРАФЪ.

Надо мнѣ иногда спускать ему; у него много дарованiй; этотъ плутъ чешетъ хорошо, ловокъ - - - - наши дурачества часто обогащаютъ сихъ мошенниковъ, кои забываютъ ту бѣдность, откол ѣ вытащила ихъ наша гордость! . . . но должно послѣдовать обычаю. — Надобно мнѣ также

перемѣнить своего погребщика. Шампанское его вино съ недѣлю уже мнѣ несносно становится. (*вздыхаетъ*) Ахъ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГРАФЪ, КНЯЖНА, АНДРЕЙ.

КНЯЖНА.

О чемъ вы вздыхаете, Графъ?

ГРАФЪ.

Всякой разъ то случается со мною, когда увижу васъ.

КНЯЖНА.

Вы одолжены моимъ посѣщенїемъ Графинѣ. Я думала, что она съ вами? -- Но что вы такъ пасмурны? Сїи печальные взгляды сказываютъ мнѣ, что щастїе худо служило вамъ нынѣшнюю ночь.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, совсемъ не то, а Шампанское вино причиною моего безобразїя; но одинъ твой взглядъ, милая моя, прогоняетъ мою скуку и печаль такъ какъ - - -

КНЯЖНА.

Скажите, Графъ, такъ какъ солнце -- видь надо какое нибудь сравненїе. - - Будь по осторожнѣе (*въ полголоса*) Андрей подумаетъ, что мы съ ума сошли.

АНДРЕЙ.

Пожалуйте, сударыня, не принуждайте вы себя, -- а паче при мнѣ.

ГРАФЪ.

Приготовь поди мою домину.

АНДРЕЙ (*выходя*).

Напрасныя предосторожности! --

КНЯЖНА.

Знаешь ли, Графъ, что наше катанье въ саняхъ бѣситъ Графиню? она жалуется, что ты ее пренебрегаешь, бѣгаешь отъ нее; естьли она когда нибудь узнаетъ, что мы вчера были вмѣстѣ у француженки, то меня не пощадитъ, и кажется, что тебѣ она хочетъ отомстить.

ГРАФЪ.

Только бы не своей любовью.

КНЯЖНА.

О! любви не бойся; ненависть ея къ тебѣ непремѣнна.

ГРАФЪ.

Тѣмъ лучше. -- Отъ того спокойнѣе.

КНЯЖНА.

Самолюбіе ея тронуто только тѣмъ, что ты находишь другихъ женщинъ лучше ее.

ГРАФЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь ей принадлежать, она должна привыкнуть.

КНЯЖНА.

Естьли она примѣтитъ, что я больше надъ тобою власти имѣю, нежели она, то не оставитъ разгласить о семъ всему свѣту, и тогда. - - -

ГРАФЪ.

Всѣ будутъ ей смѣяться.

КНЯЖНА.

Правда, я очень хочу ее поунизить: но совсемъ тѣмъ люблю ее... а любя не отрекусь немного помучить; однако естьли дядя мой узнаетъ

нашу связь; то онъ меня лишитъ наслѣдства, или принудитъ оставить сестрицу; онъ придерживается еще старинныхъ обычаевъ.

ГРАФЪ.

Странность его мнѣ становится уже въ тягость; желалъ бы я найти способъ, честнымъ образомъ возвратить его въ деревню; не должно однако ему очень грубить; большее его богатство достойно вниманія.

КНЯЖНА.

Воздержность и ненависть его къ Докторамъ обѣщаютъ ему продолжительную жизнь. - -

ГРАФЪ.

Чтожъ вы предприняли, Княжна?

КНЯЖНА.

Остаться здѣсь, хотя бы все пропало. — Я дрожу, когда вспомню тѣ деспотовыя нравоученія, которыми онъ меня всякой день подчивалъ въ деревнѣ, и ту скуку, ходить съ нимъ вмѣстѣ въ прогулкахъ повѣся руки, потупя взгляды, и искривя ноги, вотъ такъ (*указываетъ какъ кривила ноги*).

ГРАФЪ.

Вы тогда еще не учились танцовать?

КНЯЖНА.

Дядюшка щиталъ каждаго танцмейстера за прельстителя: но я не знаю, отъ чего я съ нимъ не такъ смѣла, какъ съ вами; на силу могу съ нимъ говорить! —

ГРАФЪ.

Грубите ему такъ, какъ и онъ грубитъ.

(*Баронъ стучитъ въ двери и часто повторяетъ слѣдующія слова*: Графъ! Графъ).

КНЯЖНА.

Ахъ, Боже мой! я слышу его голосъ. — Что дѣлать!

БАРОНЪ (*за кулисами*).

Можноль войти!

ГРАФЪ (*тихо*).

Спрячьтесь, гдѣ угодно (*громко*). Тотчасъ иду, Г. Правдинъ.

КНЯЖНА (*тихо*).

Спрячьте меня за каминныя ширмы.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! — Вотъ здѣсь, за эту большую софу; вы можете оттолѣ насъ видѣть; я на вопросы его буду отвѣчать коротко и весело, дабы ваше заключенїе сдѣлать прїятнѣе. - - - (*заставливаетъ ее софою; а въ будущемъ явленїи всякой разъ передвигаетъ софу потихоньку, смотря по движенїю Барона. -- Отворяетъ двери*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

ГРАФЪ и БАРОНЪ.

БАРОНЪ (*глядитъ вокругъ комнаты*).

Простите мою нетерпѣливость, Графъ. — Я васъ услышалъ говорящаго, и думалъ, что можно васъ обеспокоить своимъ посѣщенїемъ; вы жестоко возвышали свой голосъ.

ГРАФЪ.

Мнѣ завтра надо быть въ Сенатѣ, и я прочитывалъ дѣло, которое завтра будутъ слушать для народной пользы.

БАРОНЪ.

Извините меня, Графъ, естьли я вамъ помѣшалъ.

ГРАФЪ.

На противъ, я чувствительно радъ. — Излишняя прилѣжность вредитъ здоровью; но все забываешь, когда надо служить отечеству.

БАРОНЪ.

Я васъ похваляю, и думаю, что Государственная польза отъ того не потеряетъ — извините меня, Графъ.

ГРАФЪ.

Я дѣлаю болѣе. — Я вамъ дивлюсь. — Когда вы меня хвалите; то я восхищаюсь отъ радости; но вы бы еще болѣе меня обрадовали раздѣляя съ нами ежедневно семейный нашъ обѣдъ; а вы мнѣ всегда сіе удовольствіе отказываете.

БАРОНЪ

Признаюсь вамъ, Графъ, что я люблю знать, что я ѣмъ: мое правило никогда не путешествовать въ той сторонѣ, гдѣ я дорогъ не знаю. Съ того времени, какъ введены въ Россію чужестранные обычаи и поварня; все перемѣнилось, люди и блюды все подъ другими видами: простота, сударь, вотъ моя вывѣска!

КНЯЖНА (*выглядываетъ изъ за софы.*)

Я очень бы желала убѣжать, или чтобъ онъ убѣжалъ въ свою деревню!

БАРОНЪ.

Графъ! зачнемъ говорить о намѣреніи моего посѣщенія: могуль я вамъ правду сказать на щетъ надежды?

КНЯЖНА (*не множко приподнявшись*).

Вотъ и моя похвала зачинается!

ГРАФЪ.

Какое сомнѣніе! ваша племянница достойна вашей любви: она мила и хороша (*Графъ и Княжна перемигиваются*).

БАРОНЪ.

Она должна заслужить мою любовь. - - - Должна прежде всего прибавить длину своего платья, закрывать шею и носить чепцы.

КНЯЖНА (*про себя*).

Онъ мѣшается и въ мои наряды!

ГРАФЪ.

Стройная нога, хорошія плеча и груди, прекрасные волосы не должны быть закрыты!

БАРОНЪ.

Когда мущины лишатся удовольствія воображенія, то не будетъ женидьбы, и съ той минуты красавицы потеряютъ свою цѣну.

ГРАФЪ.

Правда ваша, Г. Баронъ, ха ха ха ха! — племянница ваша, угождая вамъ, должна носить сапоги и шинель. Ха ха ха ха!

БАРОНЪ.

Сколько вы ни смѣйтесь, но я не перестану вамъ говорить, Графъ, что племянница въ развратномъ пути находится: какую нужду имѣла она оставлять деревню, ѣздить въ чужіе край, жить въ большомъ свѣтѣ и научаться моднымъ обращеніямъ? Я самъ знаю, что такое большой свѣтъ, и желаю искренно, чтобъ онъ столькожъ мало попортилъ ее нравъ, какъ и мои обычаи.

ГРАФЪ (*смѣется и перемигиваясь съ Княжною качаетъ головою*.

Не сердитесь, Г. Баронъ: ужель вы сомнѣваетесь, чтобъ мы съ Графинею не наставили ее на истинной путь?

БАРОНЪ.

Чортъ меня побери, естьли васъ, Графъ, и самихъ не надо направить на путь добродѣтели! — Вся Москва извѣстна о вашемъ несогласіи! вотъ однакожъ польза вашихъ чужестранныхъ путешествій! комужъ вамъ говорить? Вы меня извините, надѣюсь. Честь моей племянницы страждетъ. — Ахъ, Графъ! осторожность хорошая добродѣтель.

ГРАФЪ.

Столько же хороша, сколь и длинной галстукъ, продѣтой въ кольцо; я имъ восхищаюсь, но такой моды не перейму; вы меня извините, надѣюсь.

БАРОНЪ (*съ большимъ гнѣвомъ*).

Дай Богъ первому, кто выдумалъ ваши толстыя шеи, надѣть мой тоненькой длинной галстукъ по неволѣ!

ГРАФЪ (*съ насмѣшкою*).

Не сердись, любезной Баронъ, не удаляйся Свѣтскихъ обычаевъ; приближься къ нимъ; осторожность добродѣтель необычайная; она не соглашается съ выдумками вкуса и роскоши. Человѣкъ знаменитый, послѣдующій оной, столь же рѣдокъ въ собесѣдіи, какъ женщина благородная безъ румянъ. - - - Съ тѣхъ поръ, какъ мы приняли обычаи нашихъ сосѣдей, мы попрали нога-

ми ту глупую стыдливость, которая мѣшала обнаруживать достоинства.

БАРОНЪ.

Какія рѣчи! — Не удивляюсь, Графъ, ветрености вашей; нынѣшней супругъ долженъ мыслить сходственно вамъ; но вспомните, что ваша жена молода и хороша, что любезная моя сестрица принесла вамъ богатое приданое, и что она достойна большаго уваженія.

ГРАФЪ.

Естьли вы думаете, что ей худо у меня; то можете ее съ собой увести.

БАРОНЪ.

Какая мерзость! зачемъ же вы на ней женились?

ГРАФЪ.

По сходству нашихъ состояній вотъ предметъ женидьбы и замужства нынѣшняго вѣка; тѣ, кои женятся по другимъ правиламъ, или по старинѣ, столько же смѣшны, какъ тѣ, которые, по Газетамъ думаютъ найти пріятнаго щовариша въ отъѣзжающихъ за границу.

БАРОНЪ.

Я больше ничего не стану говорить; племянница моя поѣдетъ со мною въ деревню или наслѣдства не получитъ ни гроша изъ имѣнія Барона Правдина!

КНЯЖНА.

Умираю отъ страху! (*Графъ садится и поетъ*).

БАРОНЪ.

Скажите, Графъ, какова рода человѣка выбираете вы въ супруги племянницѣ моей?

ГРАФЪ.

Человѣка съ умомъ и достоинствами и лучшаго моего прїятеля.

БАРОНЪ.

То есть, достоинъ похвалъ - - - - по вашему мнѣнїю; но таковой-то и можетъ быть дурнымъ мужемъ!

ГРАФЪ.

Онъ Полковникъ и меньшой братъ Бригадира Милозорова; сей послѣдней — страстной собачей охотникъ; онъ всеминутно гоняетъ за зайцами и конечно скоро сломитъ себѣ шею, а тѣмъ самимъ ощастливитъ моего друга.

Б. ПРАВДИНЪ.

Какїя мысли! какїе люди!

ГРАФЪ.

Да вспомните, Баронъ, что двенадцать тысячь доходу изрядное утѣшенїе въ потерѣ брата!

БАРОНЪ.

Что мнѣ вспомнить? Я больше слушать ничего не хочу. — Что мнѣ нужды, за кого выдетъ племянница моя! Она женщина свѣтская, то пусть и выходитъ за таковажъ. — Чтобъ не мѣшать ей въ ее выборѣ, я уѣду завтра и вамъ оставлю полную волю и пространное поле глупости, по которому бродить можете, сколько угодно. — Ничто меня не останавливаетъ въ такомъ городѣ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ по модѣ; а жить нельзя по своему намѣренїю! . . . Ваши веселїя меня не плѣняютъ : . . . карты и кости, я ненавижу, и хотя нѣтъ у меня такова брата, которой бы сломя себѣ шею оставилъ мнѣ наслѣд-

ство; но я доволенъ своимъ состоянїемъ. — Вы меня извините, надѣюсь (*уходитъ*).

ГРАФЪ.

Ха ха ха ха! — прекрасная невольница! выходи. Ха ха ха!

КНЯЖНА.

Дѣло сдѣлано. — И такъ я не получу шагу земли, въ деревняхъ Барона Іоанна Правдина. — Но я о томъ не тужу, и буду съ нимъ поступать, какъ съ бѣдниинькой роденькой.

ГРАФЪ (*становится предъ нею на колѣни*).

Я восхищаюсь такимъ великодушїемъ. - - -

БАРОНЪ (*возвращается*).

Я позабылъ сказать. . . (*Отъ удивленія отступаетъ*).

КНЯЖНА.

О небо!

БАРОНЪ.

Что я вижу! — Надежда и Графъ читаютъ вмѣстѣ и пересказываютъ другъ другу Сенатскія учрежденія для народной пользы. — Я васъ поздравляю въ семъ ревностномъ упражненіи для отечества, извините. — Моего намѣренія не было вамъ помѣшать. — Извините меня, Графъ.

ГРАФЪ (*улыбаясь*).

Меня развѣ, Г. Правдинъ?

БАРОНЪ.

О! отъ искренняго сердца! только берегись, Графъ; чортъ горами качаетъ.

КНЯЖНА.

Сдѣлайте милость, выслушайте меня! - - - Желая помогать своему другу. - - - Просилъ меня не отсрочивать его благополучїя. - - - И радость. . . . Онъ меня благодарилъ.

БАРОНЪ.

Хорошо! — понимаю. — Но скажи мнѣ племянница, какъ ты сюда вошла? надо думать, чрезъ каминъ?

КНЯЖНА.

Мнѣ. . . . мнѣ . . . нѣкогда вамъ пересказывать послѣднева; а осталось только время одѣваться, и ѣхать на балъ (*уходитъ*).

БАРОНЪ.

Она много обѣщаетъ.

ГРАФЪ.

О! она умна!

БАРОНЪ.

Довольно примѣтно. — Я радъ, Графъ, что я могу вамъ сказать: — вы извините меня, надѣюсь, и мою искренность, что женясь на моей сестрице съ намѣренїемъ ее покинуть, а племянницу мою упросить къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ ее обольстить и обезчестить. - - -

ГРАФЪ.

Обезчестить! -- обольстить! -- Вы забываетесь, Г. Баронъ; вы слишкомъ разгорячились. — Когда вы будете холоднѣе: то я вамъ приготовлюсь отвѣчать. -- Мнѣ очень жаль, что я васъ оставить долженъ. -- Меня дожидаются ѣхать въ маскерадъ; пожалуй туда прїѣзжай. -- Гей! Петрушка! скоро мою домину и карету! ...

Посмотри за дядюшкой, чтобЪ всѣмЪ былЪ доволенЪ. -- (*УходитЪ напѣвая пѣсню*).

БАРОНЪ.

КонецЪ вѣку приходитЪ! -- Какіе нравы! какія мысли! . . . И вотЪ одна изЪ подпорЪ Государства! СЪ такимЪ фундаментомЪ возможно ли не рушиться зданію? (*Вздыхаетъ*) АхЪ сестра! какой у тебя мужЪ! Какого друга небо тебѣ послало! -- Сказать ли ей, что я видѣлЪ? . . . Я растравлю можетЪ быть ея рану: -- я убью, -- можетЪ быть ее печалью . . . Сердце ее добродѣтельно и чувствительно; я ее жалѣю -- пойдемЪ утѣшать ее: -- вырвемЪ изЪ бездны погибели -- отвеземЪ вЪ мою деревню. -- Рыбная ловля, псовая охота, чтеніе и многія другія невинныя забавы развеселятЪ ее вЪ тихомЪ уединеніи. -- Она будетЪ моя наслѣдница, и станетЪ наслаждаться послѣ моей смерти богатымЪ имѣніемЪ, которое я хотѣлЪ было дать Княжнѣ Надеждѣ (*выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8

ПредставляетЪ комнату Графини Добротоновой.

ГРАФИНЯ и ПОЛКОВНИКЪ.

(*играютЪ вЪ шашки*).

КНЯЖНА.

Право, ПолковникЪ, мнѣ не льзя принять твоего предложенія. -- Естьли моя кузина узнаетЪ, что ты со мною ѣдешь на балЪ -- и вмѣстѣ

съ нами туда не отправишься, то можешь дерзостью своею потерять ее руку.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я для того на ней женюсь, чтобъ быть, моя милая, чаще съ тобою.

ГРАФИНЯ.

Я знаю, что ты не очень ею плѣненъ.

ПОЛКОВНИКЪ (*смѣючись*).

Не столько, чтобъ чрезъ нее лишиться покою. -- Позвольте мнѣ послѣ балу съ вами полчаса повидаться. -- Я вамъ болѣе сего скажу.

ГРАФИНЯ.

Право не льзя.

ПОЛКОВНИКЪ.

За чтожъ хотите привесть меня въ отчаяніе?

ГРАФИНЯ.

Это совсѣмъ не мое намѣреніе.

ПОЛКОВНИКЪ.

На что отказывать мнѣ въ бездѣлицѣ.

ГРАФИНЯ.

Боюсь, чтобъ меня не забранили.

ПОЛКОВНИКЪ.

Какое худо, принять друга, вашего мужа?

ГРАФИНЯ.

Конечно - - однако. - - -

ПОЛКОВНИКЪ.

Я хочу спроситься васъ о моей свадьбѣ. . . . Но вижу что вы мнѣ не такой другъ, какого я въ васъ уповалъ имѣть.

ГРАФИНЯ.

Знай же, какЪ я добра. -- ВотЪ моя перчатка; когда я ее потребую, тогда ты можешь со мною выходить.

ПОЛКОВНИКЪ (*бросаясь предЪ ней на колѣни цѣлуетЪ ея руки*).

Столь много милостей меня восхищаютЪ, и я васЪ благодарю на колѣняхЪ! - - -

ЯВЛЕНІЕ 9.

ПрежнЇе и БАРОНЪ.

БАРОНЪ.

Могуль надѣяться, сестрица?

ГРАФИНЯ.

АхЪ!

БАРОНЪ.

О небо! что это значитЪ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Не входятЪ никогда вЪ комнату женщины не испрося дозволенія. -- Смотрите, государь мой, положенЇе Графини!

БАРОНЪ.

Да смотрите и на мое! оно довольно странно.

ПОЛКОВНИКЪ (*грознымЪ голосомЪ*).

Таковая неосторожность достойна! - - -

БАРОНЪ.

Смерти. - - - Я отЪ удивленія внѣ себя. - - Всѣ люди здѣсь одинакаго нрава. -- Всѣ усердны кЪ народной пользѣ.

ГРАФИНЯ (*тихо Полковнику*).

Постарайся его успокоить!

ПОЛКОВНИКЪ (*тихо Графинѣ*).

Жду вашего приказа, вызвать его драться.

БАРОНЪ.

Нечистой духъ поселился во всю мою семью! -- Какъ можно скорѣе уѣду, чтобъ и меня не испортилъ (*уходитъ на нѣсколько шаговъ назадъ*).

ГРАФИНЯ.

Постойте на часъ -- не судите меня по внѣшности и по слабымъ доказательствамъ моей вины.

БАРОНЪ.

Такъ, такъ, конечно съ лишкомъ слабымъ! Вы научили меня всему вѣрить.

ГРАФИНЯ.

Напрасно, Г. Баронъ -- Вы не правы; въ то самое время, какъ вы входили - - - дѣлала обѣщаніе - - - Г. Полковнику. . . . стараніе свое имѣть въ милостяхъ - - - вашей племянницы. - - - Въ восторгѣ своей радости. . . онъ меня. . . Ха ха ха ха ха!

ПОЛКОВНИКЪ.

Ха ха ха! . . . Да, да! я благодарилъ Графиню. . . . Ха ха ха!

БАРОНЪ.

Да да, на колѣняхъ, ха ха ха ха! Выдумка тѣмъ милѣе, что весь домъ беретъ участіе въ вашей радости, и въ восторгѣ Г. Полковника. Графъ веселится съ Княжною, а я отъ искрен-

няго сердца беру участіе въ восхищеніи всей семьи.

ГРАФИНЯ.

Таковыя сомнѣнія имѣютъ право меня оскорблять. Государь мой! почтеніе затушаетъ гнѣвъ мой, но не можетъ остановить слезы невинности. -- (*Уходитъ притворясь будто плачетъ*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Я васъ почитаю, какъ ея родню; но презираю, какъ сущаго клеветника. Честь требуетъ, чтобъ дали вы мнѣ удовольствіе въ пустыхъ вашихъ рѣчахъ. -- Надѣюсь, что вы меня понимаете. -- Выбирайте день и часъ, мѣсто и оружіе; подумайте о томъ, государь мой и помните, что вамъ военной говоритъ (*уходитъ*).

БАРОНЪ.

Хорошо, хорошо! ... Они виноваты; но когда ихъ обличишь, то нѣтъ раскаянія, нѣтъ униженія. Сердца ихъ застарѣли въ порокахъ. - - - Женщины, прибѣгаютъ къ лукавству и лживымъ слезамъ, а мужчины къ грубымъ словамъ, и угрозамъ. -- Чтобъ избѣжать нестерпимаго порока первыхъ и вызова другихъ. Пойду приготовлять все къ отъѣзду. -- О нравы! о нравы!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

БАРОНЪ и ПЕТРЪ.

БАРОНЪ.

Терпѣть нельзя. -- Боже мой! . . . въ какомъ вѣкѣ мы живемъ. Г. Петръ, шелъ я по улицѣ къ книгопродавцу, хотѣлъ купить стихи и сатиру на глупость Свѣтскихъ обращенiй; вдругъ проворная одна особа выхватила у меня охотничей ножъ, оправленной въ золотѣ, а въ то самое время другая имѣла смѣлость положить руку свою на цѣпочку моихъ часовъ: но въ какихъ же дуракахъ остался проказникъ? Я часы пришилъ къ карману, ожидая такихъ шашней.

ПЕТРЪ.

Потерпите, Г. Баронъ; естьли вы ночью выдите отселѣ безъ проводниковъ, то увидите и болѣе. Ха ха ха ха!

БАРОНЪ.

Такiя вѣсти мнѣ не прiятны. Я дрожу, когда вспомню, что моглибъ моимъ же ножемъ меня зарѣзать. О! я конечно не буду спать нынѣшнюю ночь; пожалуй, дружокъ, одолжи меня какимъ нибудь оружiемъ; естьли плуты нападутъ на меня на улицахъ -- то ночью еще менѣе пощадятъ, нежели днемъ.

ПЕТРЪ.

Повѣрьте, опасности нѣтъ; однако естьли то угодно, я вамъ дамъ свою шпагу.

БАРОНЪ.

А можетъ она тебѣ самому надобна?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ; я уже привыкъ. -- Я не занимаюсь тѣмъ, когда ночью кричатъ... караулъ, рѣжутъ, грабятъ; мнѣ все равно, и столькоже привыкъ къ такому шуму, какъ къ маятнику моихъ часовъ.

БАРОНЪ.

Что ты не говори, а я стану остерегаться. Вотъ, что дѣлаетъ развращенїе нравовъ; благородные играютъ, а чернь грабитъ; чемужъ и удивляться, что есть смертоубїйства. Ужасное и странное позорище! естьли только со мною нынѣшняя ночь пройдетъ благополучно, то я завтра по утру буду спокоенъ, оставя васъ и образъ мыслей вашихъ. . . Въ которомъ часу возвратятся ваши хозяева изъ маскереда, или собесѣдїя чертей?

ПЕТРЪ.

Глядя по веселью, по утѣхамъ. -- Когда скучно, то балъ скоро кончится. Я по крайней мѣрѣ, выѣзжаю изъ маскерада въ четыре или въ пять часовъ.

БАРОНЪ.

Какъ! и ты въ таковыя мѣста ходишь?

ПЕТРЪ.

Рѣдко пропущаю. -- Мало людей выберется утѣшать маскою зрителей такъ, какъ я; всѣ хвалятъ мое искуство. -- Оно всѣмъ извѣстно.

БАРОНЪ (*про себя*).

Не маленькой же и ты братъ бездѣльникъ!

ПЕТРЪ.

Три года тому назадъ, случилась со мною въ маскерадѣ изрядная исторія и довольно смѣшная. Въ этотъ день я былъ очень веселъ; Шампанское вино прибавляло мнѣ веселости, разума и шутокъ.

БАРОНЪ (*про себя*).

Мерзавецъ!

ПЕТРЪ.

Я говорилъ много умныхъ рѣчей, пускалъ въ славу эпиграммы, шарады, каламбуры; такимъ образомъ перемѣняя свои веселья, вздумалось мнѣ идти танцовать менюетъ, отгадайтежъ, Г. Правдинъ, съ кѣмъ я пошелъ? ха, ха, ха! пожалуйте отгадайте, кого я попросилъ?

БАРОНЪ (*качая головой*).

И онъ танцуетъ! . .

ПЕТРЪ.

Я подошелъ къ Графинѣ. — Она танцуетъ хорошо, да и я не дурно. Все собраніе насъ примѣтило. Окончавъ минуетъ, я строилъ куръ, говорилъ любовныя рѣчи, по обычаю молодыхъ людей. . . .

БАРОНЪ.

Какъ! своей госпожѣ?

ПЕТРЪ (*смѣется*).

Такъ, сударь, своей госпожѣ; но въ то самое время, какъ я вотъ эдакъ рукою дѣлалъ (*указываетъ руками, какъ онъ ихъ тогда поднималъ*) вдругъ она меня узнала! и на ухо сказала мое имя. Я думалъ ее переувѣрить, но мнѣ не удалось. Она примолвила: государь мой! носите

впредь перчатки. Лучше ходить безъ маски, нежели показывать вашу руку и вашъ перстень.

БАРОНЪ (*про себя*).

Какія безбожія! (*вслухъ*) Мнѣ кажется г. Петръ, что между всѣми вашими пріятными ремеслами вы вѣрно умѣете и искусно играть въ карты.

ПЕТРЪ.

Я остался при одномъ вистѣ. — Лучше бы мнѣ никогда не играть въ кости и фортуну; эта игра мнѣ неблагопріятствуетъ.

БАРОНЪ (*про себя*).

Терпѣнія недостаетъ. — (*вслухъ*) Дайтежъ мнѣ скорѣе вашу шпагу. Пора мнѣ идти; извините меня передъ своими хозяевами и передъ племянницей; скажи имъ, что я оставляю ихъ безъ церемоніи, потому что есть у меня дѣла и другія собственныя причины. . . . Прибавте, что я ихъ истинно почитаю; и . . . и . . что я надѣюсь ихъ никогда не увидѣть.

ПЕТРЪ.

Ваша воля будетъ исполнена. (*про себя*) Деревенскіе дворяне странныя животныя! (*уходитъ*)

БАРОНЪ.

Коль я останусь здѣсь еще сутки, то вѣрно получу лихорадку. Желалъ бы я, чтобъ поскорѣя разсвѣло. — Вотъ таково-то навѣщать свою роденьку!

ЯВЛЕНІЕ 2.

БАРОНЪ и ДАВЫДЪ (*пьяной*).

БАРОНЪ.

А! это ты несчастной! откуда ты, и что дѣлалъ?

ДАВЫДЪ.

Я веселился, Г. Баронъ. . . Право Москва пріятной городокъ.

БАРОНЪ.

Не приказывалъ ли я тебѣ возвратиться тотчасъ послѣ комедіи, и не запрещалъ ли я тебѣ забавляться съ побродягами?

ДАВЫДЪ.

Въ городахъ слуги по обыкновенію дѣлаютъ, что хотятъ, а не то, что имъ приказано.

БАРОНЪ.

Ты негодяй. — Какъ! у тебя и волосы въ пучокъ связаны?

ДАВЫДЪ.

Да какъ же полюбиться иначе женщинамъ? (*указываетъ на пропудренной толстой пучокъ*) О! я знаю, что я дѣлаю; мнѣ Графскіе люди сказали про васъ, что вы не что иное, какъ старая медаль; что вы моды не знаете . . . и многимъ штучкамъ меня научили, коихъ бы я у васъ никогда не узналъ.

БАРОНЪ.

Они его погубили. — Онъ пропадшій человѣкъ; онъ всю мою деревню испортитъ. . . Поди, уложи мой чемоданъ, мошенникъ! да сію жъ минуту.

ДАВЫДЪ.

Хорошо, я согласенЪ. — Кстати мнѣ нужда отдохнуть.

БАРОНЪ.

КакЪ, плутЪ, да мнѣ кажется ты и пьянЪ?

ДАВЫДЪ.

Немножко сударь; но это ничего — пройдетЪ.

БАРОНЪ.

Я бьюся обЪ закладЪ, что ты былЪ сЪ скверными людми.

ДАВЫДЪ.

О! нѣтЪ сударь, вы ошибаетесь . . я никогда не видалЪ пригожѣе тѣхЪ, коихЪ нынѣ видѣлЪ.

БАРОНЪ.

Несчастной! ты меня не разумѣешь? Скажи мнѣ пьяница! . . .

ДАВЫДЪ.

О! что касается до этова, такЪ правда: естьли я пилЪ, то пьянЪ; естьлибЪ вы и сами пьяны были, то бы меня за пьянство не бранили . . . вы не можете представить сударь, какЪ вино веселитЪ человѣка.

БАРОНЪ.

Всѣ несчастія надо мною совершились. — МошенникЪ сей привезетЪ столько пороковЪ, что не токмо деревню, но и цѣлую округу изпортить можетЪ.

ДАВЫДЪ.

О! увѣрьтесь вЪ томЪ; я изрядную вЪ оныхЪ провизію сдѣлалЪ.

БАРОНЪ (*замахиваясь палкой*).

Поди спать! и старайся сномЪ счиститься отЪ тѣхЪ пороковЪ, коими ты недѣли двѣ тому назадЪ уже заразился. А коль не такЪ, то я тебя

оставлю въ Москвѣ, и ты можешь прибавить число Графскихъ слугъ.

ДАВЫДЪ.

Тѣмъ лучше. — Давайте меньше дѣла, оставте больше жалованья, ключь отъ погреба: то я могу остаться; а не то, вы можете меня перемѣнить. (*идетъ и шатается*)

БАРОНЪ.

Похожъ ли онъ теперь на человѣка? — Послушай несчастной! поди, говорятъ тебѣ, спать и приходи послѣ укладывать чемоданы. — Повинуйся, или я тебя пошлю въ смирительной домъ. — (*Баронъ уходитъ*)

ДАВЫДЪ (*бьетъ въ ладоши*).

Вотъ тебѣ за твое нравоученіе! Я съ лишкомъ знаю дѣла свои, чтобъ бояться такой бездѣлки; вѣкъ хочу прожить въ семъ пріятномъ городѣ. — Здѣсь-то настоящее счастіе, здѣсь-то слугѣ рай, а не житье! кромѣ жалованья есть ему и другіе доходы; на примѣръ, за любовные писмецы, а работа какая? никакой. — Жирѣетъ, богатится и трубитъ: онъ столь же счастливъ, какъ и господинъ! — Играетъ въ карты съ утра до вечера, ѣстъ хорошо, пьетъ, какъ рыба, и ходитъ по дѣвкамъ, какъ Князь или знатнѣйшій Графъ; вотъ препровожденіе времени изрядное и лучшее! Однако пора спать. — Пойдемъ! (*выходитъ шатаясь, а Графъ входитъ съ другой стороны*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

ГРАФЪ, КНЯЖНА (*въ маскѣ*): ПЕТРЪ (*провожаетъ ихъ со свѣчою*).

ГРАФЪ.

Поставь Петруша свѣчи на столъ, и скажи мнѣ, какъ Графиня пріѣдетъ домой, да вѣрнѣе.

ПЕТРЪ.

Надѣюсь, что вы на мою разторопливость всегда полагались. (*Про себя*) Кого это нонча сюда привезли? коль теперь не знаю, то ужо буду знать. (*выходитъ*)

КНЯЖНА (*скидая съ себя маску*).

Я право нѣчто всего боюсь. — Лучше бы намъ остаться въ маскерадѣ. — Я видѣла огонь въ дядюшкиной комнатѣ. — Давишнее приключеніе даетъ ему подозрѣніе и онъ сюда зайдетъ. — Повѣрь мнѣ, отложимъ разговоръ до его отъѣзда! хотя наши намѣренія и чисты, но естьли еще насъ застанетъ, то никогда не проститъ мнѣ сего поступка — останься пожалоста.

ГРАФЪ (*останавливая ее*).

Но послушайте на минуту. —

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ — тайной нашъ сюда пріѣздъ можетъ имѣть худыя слѣдствія.

ГРАФЪ.

Для дружбы!

КНЯЖНА.

Нѣтъ, Графъ, а для моей чести.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

ГрафЪ! ГрафЪ!

ГРАФЪ.

Что тебѣ надо?

ПЕТРЪ.

Графиня пріѣхала.

КНЯЖНА.

Надо, чтобЪ она меня здѣсь совсѣмЪ не видала. — Я какЪ можно скорѣя пойду вЪ свою комнату.

ГРАФЪ.

Уже поздно. — Я слышу, что она идетЪ по лѣстницѣ.

ПЕТРЪ.

Ваше Сіятельство можете пройти вотЪ вЪ этотЪ кабинетЪ. (*затворяетЪ дверь за нею вЪ кабинетЪ*)

КНЯЖНА (*Петру*).

Приди мнѣ сказать, Петруша, какЪ она взойдетЪ кЪ себѣ.

ГРАФЪ.

Запри Княжну ключомЪ; поди за мною и какЪ можно тише, не стуча. (*выходятЪ оба на цыпочкахЪ*)

ПЕТРЪ.

Естьли паркетЪ подо мною затрещитЪ, то я согласенЪ, чтобЪ Ваше Сіятельство вЪ туже минуту меня отЪ себя отпустили и лишили всѣхЪ своихЪ благодѣяній.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ГРАФИНЯ и ПОЛКОВНИКЪ (*въ маскѣ*).
МАША (*имъ свѣтитъ*).

МАША.

Не ходите далѣе съ Г. Полковникомъ. — Я увѣрена въ невинныхъ вашихъ намѣреніяхъ, сударыня; но Графъ не такъ можетъ быть посудитъ о вашемъ нечаянномъ пріѣздѣ; онъ возвратился, и естьли увидитъ въ сіе время Г. Полковника здѣсь, то они вѣрно подерутся.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты ошибаешся Маша; я его видѣлъ въ маскерадѣ и съ нимъ тамъ говорилъ.

МАША.

А я бьюсь объ закладъ, что онъ здѣсь.

ГРАФИНЯ.

Онъ слишкомъ занятъ своею маскою, чтобъ такъ скоро возвратиться домой. Не бойся моя милая, нѣтъ никакова худа въ нашемъ предпріятіи; ты знаешь, что Г. Полковникъ женится на моей Кузинѣ. . . Я взялась нѣчто приготовить ему для его свадьбы и объяснить нѣкоторыя дѣла.

МАША.

Очень понимаю сударыня; нѣтъ ничего простѣе, какъ желать пользы родственницѣ своей; но поверьте мнѣ, что ноньче день даромъ не кончится.

ПОЛКОВНИКЪ.

Не съ ума ли ты сошла. — Однако вспомни, что у меня нѣтъ шпаги.

МАША.

Но у Графа есть; развѣ не льзя одной шпагой заколоться двоимъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Я тебѣ сказываю, что его дома нѣтъ.

МАША.

Онъ прошелъ чрезъ маленькое крылечко въ свою комнату съ Петрушей, и они между собою говорили.

ГРАФИНЯ.

Чтобъ лучше удостовѣриться, поди спроси у Андрея и у дневальнаго.

МАША.

Ахъ, Графиня! они обыкновенно по вечерамъ оба пьяные лежатъ.

ГРАФИНЯ.

Я зачинаю ей вѣрить, и страхъ на меня находитъ.... Мнѣ кажется, я слышу, кто-то идетъ по лѣстницѣ — — послушаемъ!

МАША.

Я увѣрена, что произойдетъ какое нибудь нещастіе.

ПОЛКОВНИКЪ.

Естьли Маша меня хочетъ проводить, то я охотно съ ней соглашусь уйти чрезъ потаенное крыльцо. — (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ*)

МАША.

Ахъ, сударь! и сего намъ исполнить не можно. Я слышу, по ней кто-то идетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Чортъ меня побери! въ хорошихъ я обстоятельствахъ.

ГРАФИНЯ.

Остался одинъ способъ. Спрячьтесь вотъ въ этотъ кабинетъ.

ПОЛКОВНИКЪ (*бѣжитъ къ кабинету*).

Онъ запертъ.

ГРАФИНЯ.

Маша! посади его поскорѣе за каминныя ширмы.

ПОЛКОВНИКЪ (*прячется*).

Я отъ непрїятеля убѣжать не могу. — Какъ скоро онъ оставитъ здѣшнюю комнату, то придите мнѣ сказать.

ГРАФИНЯ.

Надѣйся на насъ. — (*Машѣ*) А ты поди къ себѣ чрезъ маленькое крыльцо и оставь меня одну принять Графа; онъ узнаетъ въ хитростяхъ своего учителя.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГРАФЪ и ГРАФИНЯ.

ГРАФЪ.

Какъ, уже возвратились вы изъ маскерада! это меня удивляетъ, сударыня.

ГРАФИНЯ.

Послѣ вашего прїятнаго разговора во весь вечеръ съ дамою въ малиновой доминѣ, я болѣе удивляюсь, что вы скорѣе моего еще прїехали; какъ могла она съ вами такъ скоро разстаться? Такое зрѣлище, Графъ, не можетъ быть мнѣ прїятно, и потому не удивляйтесь, что я оставила лучшую свою забаву.

ГРАФЪ (*улыбаясь*).

Я очень радъ сударыня, когда могу васъ чрезъ сїе увѣрить, что дама, которой имени

я не знаю, не могла меня удержать, какъ скоро я узналъ, что вы уѣхали.

ГРАФИНЯ.

Насмѣшливая сія улыбка, пороча мою слабость, оказываетъ можетъ быть превосходство вашего разума, но не дѣлаетъ чести вашему сердцу! она болѣе обнаруживаетъ только ваши обманы. (*притворяется плачущею*)

ГРАФЪ.

Естьли вы намѣрены играть трагедію, то и я вамъ могу показать опытъ своего мастерства.

ГРАФИНЯ.

Не лучше ли намъ сударь разойтись по нашимъ комнатамъ? Ваша грубость и мои ласки могутъ здѣлаться посмѣшищемъ нашихъ людей!.. Гдѣ моя сестрица?

ГРАФЪ.

Я ее отдалъ руками Полковнику Миловзорову. Балъ забавляетъ тѣхъ, кои скоро могутъ быть обвѣнчаны, а дѣлается скученъ женатымъ людямъ; особливожъ естьли они находятъ удовольствіе, такъ какъ я, въ собесѣдіи своихъ женъ.

ГРАФИНЯ (*про себя*).

Какая ложь! — Онъ столькожъ любитъ быть съ своей женой, сколько съ своей собакой.

ГРАФЪ (*про себя*).

Какъ она мнѣ надоѣла! Чтобъ отдѣлаться отъ нее, дай предложу ей остаться вмѣстѣ съ нею. (*Вслухъ*) Я не очень здоровъ, и чувствую маленькую лихорадку. — Велю разложить огонь въ каминѣ.

ГРАФИНЯ.

Въ какомъ каминѣ?

ГРАФЪ.

Здѣсь; — а между тѣмъ останемся вмѣстѣ и наединѣ. Я вамъ поговорю о любви, о коей давно уже не говорилъ. (*Звонитъ, и Петръ приходитъ*) Петруша! разложи огонь въ каминѣ.

ГРАФИНЯ (*про себя*).

Ну, погибла я! (*вслухъ*) А я пойду спать. Графъ можетъ быть имѣетъ свои намѣренія остаться здѣсь. — (*Петръ выходитъ*)

ГРААЪ.

Какъ вы меня тираните! Почто лишать меня утѣшенія посидѣть съ вами вмѣстѣ? (*про себя*) Ну! чуть, чуть я не попался въ свои сѣти. —

ГРАФИНЯ.

Я слишкомъ васъ люблю, и не хочу заставить васъ умереть отъ скуки. — Прощайте Графъ, я пойду въ свою комнату.

ГРАФЪ.

Когда то вамъ угодно; надо повиноваться, и подобно скупому, умирать у своего сокровища. (*беретъ свѣчу, а Графиня другую*) Желаю вамъ доброй ночи — позволите ли мнѣ уже? —

ГРАФИНЯ.

Вы слишкомъ учтивы. (*про себя*) Ахъ, какъ онъ скученъ!

ГРАФЪ (*про себя*).

Всякой день она мнѣ несноснѣе становится. — (*Цѣлуются и потомъ оба обтираются платками, всякой уходя въ свою сторону*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

КНЯЖНА и ПОЛКОВНИКЪ.

КНЯЖНА (*отворяетъ изъ кабинета двери, и выставляетъ голову*).

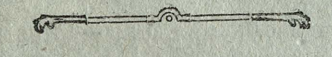
Вездѣ тихо. Желала бы я, чтобы Графъ пришелъ поскорѣе: что они дѣлали здѣсь? — я слышу шумъ. (*опять притворяетъ двери*)

ПОЛКОВНИКЪ (*поднимаетъ голову изъ за ширмъ*).

Удивляюсь я, что Графиня меня такъ долго оставляетъ здѣсь. — Естьли Княжна узнаетъ сіе приключеніе, — то прощай ея имѣніе! — да и удовольствіе не стоитъ такова безпокойства.

КНЯЖНА (*выходя изъ кабинета*).

Что сказалъ бы теперь мой Полковникъ, увидя будущую свою супругу въ такомъ странномъ безпорядкѣ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Прежніе ГРАФЪ и ГРАФИНЯ (*выходятъ каждой съ своей стороны*).

ГРАФЪ.

Пора освободить мою плѣнницу. —

ГРАФИНЯ.

Пора Полковника избавить отъ неволи; онъ такъ мучится здѣсь, какъ въ осажденномъ городѣ. (*подходитъ къ камину*)

ГРАФЪ.

Гдѣ вы?

КНЯЖНА и ПОЛКОВНИКЪ *вмѣстѣ*.

Здѣсь, здѣсь.

ГРАФИНЯ.

Говорите потише. (*другъ друга ищутъ: Графъ беретъ руку у жены своей, а Полковникъ у Княжны*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Прежніе БАРОНЪ и ПЕТРЪ.

БАРОНЪ (*за кулисами*).

Скоро огня! подайте мой карабинъ, саблю! — Здѣсь воры!

ПЕТРЪ (*приходя съ нимъ на Театръ*).

Помилуйте сударь! здѣсь только домашніе господа.

БАРОНЪ (*въ шлафорке, въ ночномъ колпаке, съ саблею въ рукахъ*).

Подайте только свѣчь. — Я вамъ ручаюсь, что ни одинъ изъ нихъ отсюда не уйдетъ; они здѣсь, точно здѣсь. Кто первой тронется, тому смерть. — (*Увидя всѣхъ*) Ба! да они и женъ своихъ сюда привели. (*Приносятъ свѣчь, и всѣ кажутся въ большомъ удивленіи*) Что такое! что это все значитъ? Давишнія пары разобрались вмѣстѣ.

ГРАФЪ.

Что я вижу! какимъ образомъ мы здѣсь всѣ вмѣстѣ очутились?

БАРОНЪ.

Потёмки это все надѣлали, я радъ, что свѣтъ оказалъ ваши шашни; вы извините меня, государи мои и государыни; надѣюсь - - -

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ же и МАША.

МАША.

О Небо! что здѣсь подѣлалось?

БАРОНЪ.

Ничего новаго, Маша; я радъ, что перелукавилъ самыхъ женщинъ.

ГРАФЪ.

Ваши слова меня удивляютъ, Г. Баронъ; что тутъ мудренаго, что всѣ мои домашніе собраны у меня? Кажется не объ чемъ такъ много хлопотать и мутить весь мой домъ изъ такой бездѣлицы.

БАРОНЪ.

Изъ такой бездѣлицы, Графъ! Я вамъ возьмусь изтолковать тайну, которую вы хотите не понимать, хотя вы и не заслужили, чтобъ я съ вами былъ прямодушенъ; — а васъ Г. Полковникъ хочу вывести изъ вашего заблужденія: вы думаете, что племянница моя имѣетъ особой достатокъ, кромѣ моего имѣнія; то естьли вамъ такъ кажется, то ошибаетесь, государь мой; я васъ увѣряю, что естьли она за васъ пойдетъ за мужъ, то не получитъ ни копѣйки.

ПОЛКОВНИКЪ.

Искренность есть добродѣтель почтенная, которую перенимать надобно. — Я на васъ Г. Баронъ не пеняю: а дабы вамъ доказать, сколько я васъ почитаю, то вамъ государыни мои я откланиваюсь, а ты Графъ виновникъ моего нещастія и посрамитель моей чести, бездѣльникъ, желающій отнять мою невѣсту! и причина гнѣва Баронова. Пріѣзжай ко мнѣ сей часъ! выбирай мѣсто и оружіе! — Я тебя дожидаюсь; а не то....

ГРАФЪ.

Не оканчивай подлецъ! и ступай вонъ изъ моего дома! — Я сей часъ за тобою же буду. (*Полковникъ уходитъ, бросивъ грозной взоръ на Графа*)

БАРОНЪ (*Графу*).

Что вы Графъ хотите дѣлать? въ умѣ ли вы? . . . драться? . . . Да за что? —

ГРАФЪ.

Развѣ вы не слыхали, Г. Баронъ? я вамъ скоро докажу, что я прямо благородной, и правила свѣта и чести знаю сохранить. —

(*Уходитъ*)

БАРОНЪ.

Поди, поди дерись, и лей кровь себѣ подобнаго! мало проказъ было, дай новыя заводить. Но идти спать! — да полно гдѣ уснуть послѣ такихъ дивныхъ и дикихъ картинъ; я думаю, что и во снѣ буду ими бредить. Прощайте мои голубушки. — Пожалѣйте, потужите хоть разъ о своихъ дурачествахъ. Вотъ плоды разпутства вашего! Прощайте и извините мою искренность. Въ послѣднїй разъ вамъ говорю. — О! я уѣду, я уѣду. (*Уходитъ къ себѣ*)

ЯВЛЕНIЕ 11.

ГРАФИНЯ, КНЯЖНА.

ГРАФИНЯ.

Кто ожидалъ сестрица таковаго окончанїя нашимъ веселїямъ?

КНЯЖНА.

Это отъ того, что ты мужа не любишь и въ чужія сани садишься.

ГРАФИНЯ.

А ты слишкомъ умна, и слишкомъ объ моемъ мужѣ жалѣешь; тебѣ бы надо думать о Полковникѣ, и болѣе о немъ огорчаться.

КНЯЖНА.

Онъ мой женихъ, а не мужъ. Жениха перемѣнить можно, а мужа трудно.

ГРАФИНЯ.

Посмотримъ, что будетъ.

КНЯЖНА.

Еще рано заговорила; поди-ка лучше въ свою комнату. — Ты, какъ примѣтно, не очень здорова.

ГРАФИНЯ.

Я и здѣсь дома.

КНЯЖНА (*беретъ свѣчу*).

Прощай! коль ты нейдешь, такъ я уйду; а мнѣ думается, что Полковнику пустятъ кровь. —

(*Уходитъ*)

ГРАФИНЯ.

Типунъ бы тебѣ на языкъ! надъ твоей бы головой нещастье вертѣлось.

Конецъ втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ТеатрЪ представляетЪ комнату Барона Правдина. — СтолЪ покрытЪ сукномЪ, вЪ другомЪ углу два чемодана. — БаронЪ сидитЪ за столомЪ вЪ шлафоркѣ и калпакѣ. — Маша передЪ нимЪ держитЪ подносЪ сЪ молочникомЪ, а онЪ пьетЪ кофе, обмакивая сухари.

ЯВЛЕНІЕ 1.

БАРОНЪ, МАША, а по томЪ ПЕТРЪ и ДАВЫДЪ.

БАРОНЪ.

Ну Маша! какЪ у васЪ нынѣшняя ваша исторія кончилась? Что дѣлаетЪ ГрафЪ?

МАША.

Что, сударь? ничего. — ГрафЪ у себя на половинѣ спитЪ.

БАРОНЪ.

Слава Богу! я радЪ, право радЪ, видно онЪ сЪ ПолковникомЪ помирился. Да полно за что было имЪ и ссориться? ВЪ нынѣшнемЪ свѣтѣ возможно ли за жену и за невѣсту вступаться? Скажи, какЪ же и на какихЪ бы условіяхЪ они помирились?

МАША.

Они, Г. БаронЪ, и не помирились.

БАРОНЪ.

Фу кЪ чорту! — да какЪ же? разтолкуй — ГрафЪ спитЪ, ты говоришь?

МАША.

Такъ чтожъ, что спитъ? Ему спать захотѣлось, такъ онъ и заснулъ; развѣ не льзя подраться и заснуть?

БАРОНЪ.

Можно. — Ну инъ не спорю, да чемъ же кончилось?

МАША.

Тѣмъ и кончилось, сударь, что Графъ Полковника жестоко ранилъ, и онъ думаю отъ раны не встанетъ.

БАРОНЪ (*изумленно вскочилъ со стула, и брося чашку разбилъ*).

Смертельно ранилъ человѣка, а онъ спитъ покойно? . . . . Не вѣрю . . . . и онъ можетъ спать! . . . Маша лжешь!

МАША.

Отъ чего мнѣ, Г. Баронъ лгать? извольте хоть сами къ нему сходить. Онъ точно почиваетъ.

БАРОНЪ.

Боже мой! какія времена! . . . бьютъ людей, и послѣ поноснаго дѣла еще и покойно спятъ . . . видно, по мнѣнію Графа, что муха, что человѣкъ, все равно. — И онъ спитъ — о Небо! за что дрались, и сами не знаютъ. Одинъ, покинувъ невѣсту, гонялся за чужою женою, и не женясь приревновалъ; другой, брося жену, соблазня молодую дѣвушку, родню свою, отбивалъ ее у жениха — чтожъ послѣ? вздурился и за жену свою дрался, которую не любитъ; изуродовалъ таковаже вертопраха, какъ и самъ, и своего названаго пріятеля, потомъ легъ спать — заснулъ, какъ ни

въ чемъ не бывало. — Боже мой! . . . друзья нынѣшняго вѣку похожи на собакъ: то лижутъ, то кусаютъ! . . . Маша! а жена ево что дѣлаетъ?

МАША.

Она еще ничего не знаетъ, да и Княжна тоже — почиваютъ.

БАРОНЪ (*звонитъ; входитъ Петръ*).

Г. Петръ! разбуди поди Графа; мнѣ надобно его видѣть.

ПЕТРЪ.

Я, сударь, не смѣю; это у насъ не водится. — Графъ у насъ встаетъ поздно; а естьлибъ я его въ 5 часовъ осмѣлился разбудить, то завтра получу отпускную, а притомъ почтутъ меня всѣ хуже крестьянина. Одинъ мужикъ не знаетъ здѣсь свѣтскихъ обращенiй.

БАРОНЪ.

Проклятые ваши свѣтскiе обычаи и обращенiя по модѣ! — Отъ нихъ-то у васъ и головы какъ мельницы. Поди, говорятъ тебѣ, разбуди Графа! или я самъ къ нему зайду: но такъ какъ я обращенiй вашихъ не знаю, то разбужу попросту и стащу съ кровати. А ты, господинъ Петръ, надѣнь хотя свои перчатки, и пошевеля ему губы, пощупай пульсъ и раза три поклонись. . . . Ступай! — (*топаетъ ногою*) дѣлай, что велятъ! Каковы господа, таковы и слуги — всѣ съ ума сошли на благопристойныхъ учтивостяхъ. — Маша! ты сей часъ разбуди поди сестру и племянницу. . . . (*Маша уходитъ*) ихъ видно спасать надо мнѣ . . . Нѣтъ силъ терпѣть такiя неустройства — надо, надо спѣшить отъѣздомъ. — Давыдъ! Давыдъ! эй, Давыдъ! Чтобъ чортъ его ободралъ! — и этотъ деревенской ду-

ракъ вздумалъ учиться спать до обѣда. — Эй! Давыдъ!

ДАВЫДЪ (*позади театра зеваетъ и откликается*).

Чево изволите?

БАРОНЪ.

Иди скорѣе, лѣнивая животина!

ДАВЫДЪ (*входитъ, зеваетъ и оправляетъ на себѣ разстегнутой галстукъ*).

Никакъ вамъ, сударь, померещилось, или что нибудь во снѣ пригрѣзилось; еще только бьетъ 5 часовъ, а вы встаете.

БАРОНЪ.

А когда ты, животина, въ деревнѣ позже четырехъ часовъ вставалъ?

ДАВЫДЪ (*зеваетъ*).

Да! правда Г. Баронъ, въ деревнѣ такъ — ну, а здѣсь городъ, а въ городѣ и пѣтухи встаютъ въ шесть часовъ. — Послушайте, еще ни одного не слышно. —

БАРОНЪ.

Молчи болтушка! ты видно со вчерашняго еще пьянъ и не проспался!

ДАВЫДЪ.

Да, хорошо какъ бы съ похмѣлья поднесли рюмочку водки: вить у насъ есть я чаю въ красномъ поставцѣ; а нѣтъ тутъ, такъ въ баулѣ. — Право поднеситетка сударъ, голова болитъ!

БАРОНЪ.

Замолчишь ли ты пустомѣля, изпорченой сосудъ! Я тебѣ говорю, приготовь мнѣ одѣваться.

ДАВЫДЪ.

Какъ, сударь! да я въ первой слышу, да и диковинку. — Въ городѣ одѣваться въ пять часовъ, куда идти? на рынкѣ кошки нѣтъ, а собакъ много, да и тѣ у лавокъ стерегутъ да лаютъ, отъ того что хозяевъ нѣтъ. Вы вчерась Г. Баронъ сами встали въ семь часовъ.

БАРОНЪ.

Вчерась былъ день, а ноньча другой; давай кафтанъ, да убирай чемоданы.

ДАВЫДЪ.

Кафтанъ готовъ; — виситъ на стопкѣ, а чемоданы что убирать? Вы ничего изъ нихъ не трогали, и въ двѣ недѣли перемѣнили только двѣ рубашки.

БАРОНЪ.

Тѣмъ лучше — меньше пропадетъ у прачекъ. — Сходи на почту — возьми подорожную — сбѣгай за лошадьми, я ѣду въ обѣдни — слышишь ли?

ДАВЫДЪ (*въ полголоса*).

Хоть не радъ да готовъ. (*Вслухъ*) Г. Баронъ! а травлю та? стало мнѣ ноньче ее и не видать, а обѣщали отпустить.

БАРОНЪ.

Хорошо, хорошо, я нарочно заѣду.

ДАВЫДЪ.

Что, вы смѣетесь что ли? Въ обѣдню на травлю! для насъ однихъ не зачнутъ. — Еще и черти въ кулачки не дерутся, да и медвѣди спятъ.

БАРОНЪ.

Я слово сдержу — дамъ пять рублей нарочно; для насъ медвѣдя выпустятъ — за деньги въ большихъ городахъ все сдѣлаютъ.

ДАВЫДЪ.

Нѣтъ, сударь, такъ ужъ не надо; лучше мнѣ дайте бумажку, то она годится, когда милость будетъ.

БАРОНЪ (*за кулисами надѣваетъ кафтанъ*).

Давнобъ такъ говорилъ. — Возьми мѣдью; я и позабылъ, что мѣлкихъ бумагъ нѣтъ; ступай за лошадьми, да скоро.

(*Съ симъ словомъ входятъ на театръ оба*).

ДАВЫДЪ.

Тотчасъ, сударь. — (*про себя*) Зайду въ лавку, да куплю шелковыхъ платковъ крестьянскимъ дѣвкамъ. — (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 2.

БАРОНЪ одинъ.

Слава Богу! я отъ него отдѣлался — заговорилъ мошенникъ. — Насилу спровадилъ. — Посули деньги, такъ всѣ люди изъ денегъ все съ охотой дѣлаютъ! лучше естьлибъ васъ ни у кого не было; мы бы всѣ были покойнѣе; а то коль денегъ нѣтъ, то пей воды стаканъ. Коль денегъ нѣтъ, со всемъ ты знаніемъ попранъ! Не помню, какой-то стихотворецъ то сказалъ. А! да вотъ, я слышу и барыни мои идутъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ГРАФИНЯ, КНЯЖНА и БАРОНЪ.

ГРАФИНЯ.

Что это дядюшка! вы уже одѣты? что значитъ! — такъ рано собрались ѣхать?

БАРОНЪ.

Захотѣлъ, такъ и ѣду. — Скажите мнѣ красавицы, не знаете ли вы, какъ кончилась вчерашняя драка нашихъ пѣтуховъ?

КНЯЖНА.

Мы сей часъ съ постели, никого не видали, и никого не слыхали.

БАРОНЪ.

Ну такъ я тебѣ скажу: надежда! у тебя нѣтъ болѣе жениха, а у тебя, Графиня, мужа.

(*обѣ вмѣстѣ*)

Боже мой! что я слышу!

БАРОНЪ (*пересмѣшливо*).

Что я слышу! . . . Подумаешь, что имъ жаль - - - Графиня! развѣ ты любила своего мужа?

ГРАФИНЯ.

По привычкѣ мнѣ его очень жаль.

БАРОНЪ.

Жаль, какъ сказали нѣтъ; а тебѣ жаль было, правда я то и видѣлъ, третьго дня своей канарейки, которую кошка съѣла. . . да плакала, истинно ты въ послѣднюю пятницу, какъ у тебя раздавили на улицѣ абалонскую собачку; ну да вить абалонку скоро ли сыщешь? — а мужей та много: — не тотъ, такъ другой, да притомъ же и имя у сабачонки было прекрасное — какъ бишь ее, видь Фиделькой кликали?

ГРАФИНЯ.

Чтожъ вы, дядюшка, гнѣваетесь! развѣ мы виноваты, что Графъ и Полковникъ дралися?

БАРОНЪ (*къ зрителямъ*).

Послушайте, господа, онѣ не виноваты! погодите! вѣрно по ихъ словамъ я всему причиною. — Ну, такъ барыни я виноватъ? Вамъ бы не дурачиться по модѣ, и не поступать по свѣтскимъ обращеніямъ, жить по просту, такъ бы ничего не было, и всякой бы былъ доволенъ своею участью. Нѣтъ, Графиня, Графъ не убитъ; а умретъ можетъ, и очень скоро, Полковникъ: это еще хуже, чѣмъ не оба. А! да вотъ и мужъ твой. (*въ сторону*) Слава Богу! онъ кажется печаленъ — знать раскаяніе дѣйствуетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Прежніе и ГРАФЪ (*въ утреннемъ сертукѣ, волосы на гребнѣ, розовой платокъ на шеѣ*).

ГРАФЪ (*зѣваетъ*).

Доброе утро, Г. Баронъ! что вы собрались такъ рано?

БАРОНЪ.

Боюсь быть вамъ лишнимъ, а притомъ искренно сожалѣю о вашемъ нещастіи.

ГРАФЪ.

О нещастіи говорите вы? я васъ не понимаю.

БАРОНЪ (*отступя назадъ*).

Какъ, какъ! развѣ то не нещастіе, что вы смертельно ранили Полковника? а Полковникъ былъ человѣкъ... и можетъ быть умретъ.

ГРАФЪ.

Какое же нещастїе? стало щастїе. — Развѣ вы хотѣли, чтобЪ онЪ меня убилЪ? Я радЪ, что я отомстилЪ Полковнику; онЪ меня обидѣлЪ, а обиду омывать надо кровїю.

БАРОНЪ.

Какїя разсужденїя! Кажется я не у Рускаго народа, а говорю видно сЪ ФранцузомЪ или сЪ КаннибаломЪ. По моему мнѣнїю вы сами ГрафЪ всему виноваты: за чѣмЪ вы женились и жену свою оставя пускали кЪ ней входить другихЪ? На что вы сами искали другихЪ предметовЪ, бывши мужЪ женатой? Всегда мужья виновны вЪ слабомЪ поведенїи женЪ; ихЪ-то порочные примѣры ихЪ и портятЪ. Обиды ваши мысленныя есть пустота; лучше претерпѣть грубое слово, нежели драться. — Ну что пользы, ѣхать вѣчно вЪ деревню по неволѣ, или прямо вЪ ссылку? Да и достойно! итти на поединокЪ сЪ тѣмЪ, чтобы убить человѣка, по мнѣнїю обращенїй свѣтскихЪ не есть нещастїе. . . А нещастїе только стерпѣть обиду — о вѣкЪ! — ГрафЪ! я самЪ прожилЪ 60 лѣтЪ; знаю, что честь состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ не обижать ближнихЪ, быть вѣжливу, не ставить всякое лыко вЪ строку, то никогда драться сЪ тобой не станутЪ. Я служилЪ отечеству своему 30 лѣтЪ вЪ полѣ, былЪ раненЪ, но за отечество, за Государя. — ВотЪ храбрость! а бить вЪ мирное время своихЪ соотечественниковЪ есть безумїе, буйство; и за то увидишь ужо же надЪ собою худыя слѣдствїя: тебя будутЪ судить, разжалуютЪ, пошлютЪ вЪ ссылку. — Ну, живи себѣ

тамъ и заводи въ отдаленныхъ мѣстахъ обращенія по модѣ?

ГРАФЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ силъ терпѣть его колкихъ шутокъ и упрековъ! (*вслухъ*) Г. Баронъ! вы довольно вздору говорили. — За что разжаловать, за что меня сослать?

БАРОНЪ.

Увидишь скоро справедливость моихъ словъ! я вздору говорить тебѣ не намѣренъ; ты надѣешся можетъ быть на свое богатство, но богатство твое тебѣ здѣсь не поможетъ; хотя бы ты пожертвовалъ всемъ, то пощады не будетъ; притомъ же завтра будешь имѣть и кромѣ сей обиды на рукахъ довольно дѣла.

ГРАФЪ.

Какимъ образомъ? съ какой стороны?

БАРОНЪ.

Я слышалъ, что вы принуждены будете видѣть своихъ взаимодавцевъ отъ коихъ услышите то, чего не хотѣли слышать отъ меня; а имянно, роскошь и развращеніе нравовъ всегда въ послѣдствіи влекутъ за собою угрызенія совѣсти и раскаяніе. Вы имѣли охоту къ путешествіямъ, приходитъ часъ, въ которой за ваши веселія платить будете, когда вы ѣздили въ чужіе краи; лучшебъ въ нихъ перенимать добродѣтель, а пороки привозить не стоитъ труда; у насъ довольно и своихъ.

ГРАФЪ (*съ сердцемъ*).

Замолчите ли вы, Г. Баронъ? вы меня своимъ поученіемъ выводите изъ терпѣнія!

БАРОНЪ.

Еще слово, да и довольно; не сердитесь. — Попросите стаканъ воды; прочитайте сію бумагу, которую я нарочно для васъ выписалъ въ присудственномъ мѣстѣ; она придетъ завтра къ вамъ, и вы узнаете чрезъ нее вашу судьбу. Вотъ наказаніе тѣмъ, кто, не имѣя собственныхъ мыслей и правилъ, слѣдуетъ обрядамъ и чужимъ мыслямъ.

ГРАФЪ (*прочитавши бумагу*).

Боже мой! какъ несносно повиноваться такому приказу!

БАРОНЪ.

А вы, государыни, мои замолчали! Естьли раскаяніе принуждаетъ васъ къ тому, то есть надежда въ вашемъ поправленіи; вы имѣете видъ виновный. — Деревня кажется въ вашемъ положеніи вамъ будетъ очень полезна; вы знаете, что мой домъ и я.. всегда покорны вашему приказу. Что отвѣчать будетъ Графиня!

ГРАФИНЯ.

Наружность возстаетъ противу меня; но божусь вамъ, Г. Баронъ, что мое сердце не вдалось пороку. Впредь ваши добродѣтели будутъ путеводителями чувствій моихъ и исправятъ меня отъ проступокъ, отъ коихъ я теперь краснѣю.

БАРОНЪ.

Позволите ли вы, Графъ, чтобъ я на нѣсколько времени увезъ вашу жену въ деревню.

ГРАФЪ.

О! отъ всего сердца! вы меня очень много одолжите, да и на весь вѣкъ, коль вамъ угодно.

ГРАФИНЯ (*про себя*).

Какъ онъ милъ!

БАРОНЪ.

А вы, почтенная моя племянница, хотите ли за нами ѣхать?

КНЯЖНА (*присѣдаетъ*).

Я чувствую себя виноватою, дядюшка.

БАРОНЪ.

Въ чемъ?

КНЯЖНА.

Въ томъ, что хотѣла итти за мужъ безъ вашего позволенія, и влюблялась въ такого человѣка, съ коимъ честь, дружба, разсудокъ и все, что есть священное, кромѣ моды, такимъ образомъ поступать претили.

БАРОНЪ.

Я вамъ прощаю, по примѣру многихъ другихъ. —

ГРАФИНЯ и КНЯЖНА.

(*становятся на колѣни*)

Ахъ, государь мой! обнимаемъ ваши колѣна; ты достоинъ дѣлать милости.

БАРОНЪ (*поднимая ихъ*).

Хорошо, хорошо — я успѣлъ въ своемъ желаніи, и исторгаю изъ челюстей чудовища, называемаго моднымъ обращеніемъ, нещастныя его жертвы! Я увѣренъ, что всякой мысленной Россіянинъ похвалитъ такое доброе и для меня довольно трудное предпріятіе. — (*къ зрителямъ*) Надѣюсь, государи мои, что вы меня извините.

Конецъ.

МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ОДЫ,

ИДИЛЛІИ, ЭПИГРАММЫ

и проч.

Сочинилъ

Князь Алексѣй Голицынъ.

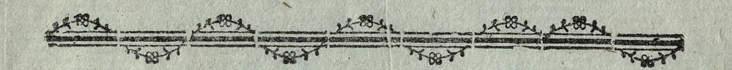
МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1798.

Съ одобренїя Московской Цензуры.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Дай Муза мнѣ ты здѣсь подмогу къ разсужденью:
Ничто я безъ тебя! ничто къ воображенью!
Тебѣ — ничто взглянуть умильно на меня,
А мнѣ то нова мысль и новый даръ огня.
Взглянула! — — мысль моя съ стремленьемъ покатилась;
Витающій мой духъ сбирается гремѣть!
Вертитъ умомъ моимъ! Къ чему же мысль пустилась?
Объ чемъ я ни начну, не ново буду пѣть. —
Не дѣло все чертить, не все геройски шашни.
Бранить не буду я, но буду быль писать;
Я буду строить здѣсь въ умѣ Гишпански башни,
Стараться, коль могу — удачное сказать. —

ДУБЪ.

1.

Какой-то дубъ съ горы валится,
Паденїемъ своимъ дивитъ;
На мачту ростомъ онъ годится,
Чрезъ лѣсъ поднявшись онъ глядитъ;
Се верьхомъ неба досягаетъ,
А вѣтьвми смертныхъ покрываетъ,
Ужасенъ взору и почтенъ;
Но нынѣ нѣтъ! лежитъ безславенъ,
Въ травѣ — съ кустарникомъ онъ равенъ,
Обрубленъ онъ и сталъ презрѣнъ.

2.

Подобно такъ-то человѣки,
Гоняясь слѣпо за мечтой,
Мня жить не годы, цѣлы вѣки,
За спесь караются судьбой.
Лукулла на златой подушкѣ
Бѣды чужїя чтилъ игрушки,
О нихъ и слышать не хотѣлъ;
А днесь, когда чрезъ рокъ свой слезной
Позналъ судьбины прутъ желѣзной,
Такъ онъ какъ ракъ на землю сѣлъ.

3.

Кто малъ бываетъ въ первомъ мѣсти,
Великъ бы могъ быть во второмъ;
Ты малъ, порабощенъ бывъ лести,
Скучалъ, страдая подъ трудомъ,

Великъ бы былъ сердца пленяя,
И правосудіе являя!
Кто сирыхъ прямо допускалъ,
На встрѣчу къ нимъ свой шагъ направя,
Великъ, кто такъ себя прославя,
Судъ бѣднымъ праведной являлъ!

4.

Какъ Титъ нашъ — былъ бы Россовъ радость;
Коль ты судья, ты другъ Небесъ,
Покой людей — душевна сладость,
Коварству, злобѣ перевѣсъ.
Мужъ доблестьми превознесенной,
Какъ Гигантъ отъ Пигмей отмѣнной,
Онъ гнусно власть не мнитъ стяжать,
Великъ — за ней кто не гоняясь,
Мечтамъ, химерамъ не ввѣряясь,
А малъ — не тщась ихъ побѣждать.

5.

Не можно вѣкъ носить личины,
Лукавствомъ правду здѣсь затмить:
Дѣла людей въ вѣсахъ судьбины,
Ихъ истинна должна открыть.
Грублонъ — былъ силенъ, гордъ и знатенъ,
Самолюбивъ, къ другимъ не внятенъ:
Но всё здѣсь кратко, такъ какъ вѣкъ!
Судомъ, властьми вездѣ владѣя,
Похожъ онъ былъ на чародѣя,
А днесь простой онъ человѣкъ.

6.

О себялюбцы! не гордитесь;
Вашъ праздникъ краткокъ въ мірѣ семъ;
Не злато наживать стремитесь,
Друзей искать старайтесь въ немъ.

Пузырь надутый лопнетъ вскорѣ,
И спесь вся будетъ на позорѣ.
А какъ отрады друга нѣтъ,
А какъ никто, никто не любитъ,
То всякъ ругательство вострубитъ,
Восплачетъ твой одинъ клевретъ.

7.

За день своей великой славы,
Въ передней у Вельможи былъ,
Хвалилъ, читалъ его уставы,
И всемъ, какъ могъ, Вельможу чтилъ;
Вчера онъ прозьбу объясняя,
И честь позорно забывая,
Почасту гнулся весь въ дугу:
А се! Вельможу ужь не знаетъ,
Совсѣмъ объономъ забываетъ,
Какъ сталъ въ блистательномъ кругу.

8.

Ликуетъ лицемѣръ лукавой,
Ликуетъ льстецъ среди вельможъ,
И лестной всѣхъ поитъ отравой,
Хоть руку далъ, но въ словѣ ложь.
День началъ славу, ночь скончаетъ,
А онъ сего не примѣчаетъ,
Что чинъ, веселье, гордость, страсть,
Ни что, какъ только вображенья,
Души мечтательной движенья,
Какъ сонъ пройдетъ ихъ пышна часть.

9.

Вельможа умный зритъ на щастье,
Какъ кормщикъ въ морѣ ясной день,
И мнитъ, что можетъ вдругъ ненастье
Нагнать ужасной бури тѣнь! . . .

Онъ знаетъ, что одной дорогой,
Крутой, изгибистой, отлогой,
Двоимъ идти не можно вдругъ;
Одинъ другова въ ней толкаетъ;
Сваливъ его не поднимаетъ;
Злодѣй сей часъ — вчера былъ другъ. —

10.

Склоня свой путь, даетъ другому,
Зритъ вкругъ себя, что слезы льютъ;
Спокоенъ бывъ стремится къ дому,
Во слѣдъ ему хвалы поютъ.
Не знатность въ немъ всѣ почитали,
Его ужь титлы не блистали,
Но честь онъ несъ вездѣ съ собой;
Не дикимъ звѣремъ въ знати чтился,
Онъ не стяжалъ, не богатился,
Добро творилъ — зналъ путь прямой. —

11.

Меняжь ни что не устрашаетъ,
Иду, какъ совѣсть мнѣ велитъ;
Что лира здѣсь моя вѣщаетъ,
То гласъ народной говоритъ;
Царя — люблю и почитаю,
И въ пѣсняхъ лирныхъ прославляю,
А добрыхъ — буду вѣкъ любить.
Въ бѣдахъ своихъ не унываю,
На Бога только уповаю,
Потщусь Піитомъ честнымъ слыть. —

ЭПИГРАММА.

Смѣешься ты, Дамисъ! смѣешься не напрасно,
Что Лиза всѣхъ бранитъ — а Лиза такъ дурна;
Но знаешь отъ чего? Тебѣ она ужасна,
На Лизиномъ лицѣ душа ея видна.

ОТЧАЯНІЕ.

Вчерашній день жена Милонова скончалась;
Бѣднякъ кричитъ, реветъ, бѣжитъ отъ мертвеца
Въ тотъ самый мигъ, гдѣ съ нимъ жена его разсталась.
Нещастной! съ грусти ты не упади съ крыльца!
О бѣдненькой! кудажъ такъ скоро ты пустился?
Родня мнитъ, какъ бы онъ въ водѣ не очутился:
Всѣ съ робостью идутъ, печально всѣ глядятъ,
Всѣ ищутъ, не найдутъ — но ихъ труды напрасны:
Сыскали — гдѣжъ? вверьху — диваны тамъ атласны;
Лежитъ онъ съ Розою — и всѣ его бранятъ;
Не стыдно ли тебѣ? — Не стыдноль? говорили,
Опомнися, злодѣй! опомнись, гдѣ лежишь?
Подите вонъ! сказалъ, напрасно вы бранили;
Въ печали — можноль знать — куда какъ забѣжишь.

СОВѢТЪ.

Сидитъ барыня спесива,
Мышь таращится въ крупѣ;
А душа ея фальшива,
Такъ какъ нонишній тупе. —
Всѣжъ бранитъ, пересмѣхаетъ,
Кто ни вышелъ отъ нее,
И ошибки не спускаетъ,
Язычокъ какъ острее.
Кто тебя судьей поставилъ
Надъ пороками людей?
Или Богъ тебя избавилъ
Слабости въ душѣ твоей? —
Что намъ нужды до Барона,
Что не такъ при насъ сидитъ?
Не бери примѣръ съ Грублона —
Что въ глаза онъ всѣмъ грубитъ.
Что намъ нужды, что Петронинъ
Всё неправду говоритъ,
Что Аристъ худой былъ воинъ,
А о подвигахъ твердитъ? —
Изабелла прiѣзжала
Въ старомъ платьѣ и чепцѣ:
Ты за то ее ругала,
Премѣнялася въ лицѣ.
Ну за что же ты сердилась,
Знатна барыня моя?
Ну за что вчера бѣсилась,
Что оправдывалъ ея?
Что намъ нужды, что Милоновъ
Первыхъ нумеровъ дуракъ?
Что намъ нужды, что Разстоновъ
Въ вистъ играетъ и не такъ?

Знатна барыня спесива!
Перестань ты всѣхъ бранить;
Объ себѣ ты такъ хвастлива,
Что и скучно говорить.
Ты вить по мужѣ велика,
А сама ты ничего;
Мужъ восторга, стоитъ крика,
Ты примѣръ бери съ него. —

НА ТОРЖЕСТВО

Роскошнаго, отставнаго гвардіи Капрала.

1.

Кого пріятными огнями,
Кого вчера ты веселилъ?
Кого богатыми шатрами,
Кого, скажи, ты удивилъ?
Почто, почто ты столь теряешь?
Имѣнья странно расточаешь,
Гласишь вельможу принимать:
Ужель ему лишь веселиться?
Хочу съ нимъ въ роскоши сравниться;
Шекшинску стерлядь покупать.

2.

Сказалъ про то! все полетѣли,
Въ твоихъ чертогахъ все гремитъ;
Сказалъ, и хоры зашумѣли;
Богатство, роскошь всякой зритъ. —
И се ты ракъ ползешь къ долинамъ,
Гдѣ конь направилъ бѣгъ къ стремнинамъ.

Коню подобенъ хочешь быть,
Презрѣнной ракъ, — ты поскользнешься,
Въ грязи незапно погрузешься
И будешь ракомъ тѣмъ же слыть. —

3.

Ты дремлешь — все тебѣ мечтаетъ,
Что вѣкъ богатъ пребудешь ты,
Коль небо взоръ свой осклабляетъ,
Что вѣкъ ты будешь зрѣть цвѣты;
Но вспомни, вспомни скользкость щастья,
Что послѣ ведра быть ненастья,
Одинъ составитъ только мигъ:
Тогда умоченъ въ грязной пыли,
Какъ ты, такїежъ люди были —
Но прутъ желѣзной ихъ постигъ.

4.

Какъ ты, и я, бывало время,
Имѣнье странно расточалъ;
Вещей ненадобныхъ беремя
Куплю, дарю, что покупалъ.
На что вой мраморъ и кумиры?
Подъ томнымъ голосомъ сѣкиры
Продашь ты скоро, что купилъ;
Хоть откупъ много твой приноситъ,
Но частой праздникъ денегъ проситъ
Тѣхъ, коихъ попусту сорилъ.

ЖИЗНЬ ТУНЕЯДЦА,

Писанная имЪ самимЪ.

Ложусь я раненько,
А встаю поздненько;
ОтЪ скуки гуляю,
Газеты читаю;
Приду отгулявши,
Немного уставши,
Завтракаю плотно,
Вино пью охотно.
Сочиняю мало,
МнѢ то не пристало.
Вскорѣ я кЪ обѣду
КЪ Темирѣ уѣду,
СЪ ней время довольно
Провожу — и вольно;
Прихожу я кЪ дому,
Выпью рюмку рому,
ЗаѣмЪ сухарями,
Двумя колбасами;
ВЪ театрЪ заѣзжаю,
ВЪ Семирѣ зеваю,
ВЪ Федулѣ смѣюся,
БалетамЪ дивлюся.
Возврачусь кЪ камину,
Призову Марину,
СЪ ней сажусь за ужинЪ,
ОнЪ намЪ очень нужинЪ;
ГоворимЪ все ладно,
СудимЪ сЪ ней изрядно.

Пьемъ вина не мало,
Сколько силъ достало.
Бранимъ мы пороки,
Деньгамъ помня сроки,
Калпакъ свой надѣвши,
На диванѣ сѣвши,
Закурю табакъ;
Трубокъ пять окончa,
Засвищу позвонче,
Прикличу собакъ,
Дїанку, Геркула
И Грандъ-Вельзевула,
Съ ними порѣзвюсь,
Въ залѣ покружусь;
По томъ какъ дремота
Начнетъ приходить,
Прочь моя охота,
Пора все забыть!
Лягу на кровать,
Пущусь крѣпко спать
До другова дня,
Какъ солнце меня
Въ обѣдни разбудитъ
И вставать принудитъ.

ПЛѢНИРА.

Плѣнира милая, прекрасна,
Тебѣ ли скуку познавать?
Въ цвѣтущи лѣты здѣсь напрасно
Безъ пользы молодость терять.

Съ твоей красой не льзя, Плѣнира!
Судьбою недовольной быть;
Въ тебѣ всѣ зримъ прiятствы мiра,
То какъ тебя и не любить?
Оставимъ старости угрюмой
Отъ грусти дома унывать,
Занявшись мрачной въ скукѣ думой,
Весельевъ тьму не познавать;
Сова уныла и презрѣнна!
Сиди одна въ дуплѣ своемъ,
И будь тоскѣ порабощенна,
Терзайся въ ночь, терзайся днемъ! . .
Но милымъ птичкамъ ли пристало
Себя всегда не веселить?
Весны чтобъ время не пропало,
Мы будемъ пѣть, играть, любить.
Равно такъ ты моя Плѣнира,
Послушай друга, для себя,
Оставь тоску и грусть для мiра,
Они ни чуть не для тебя;
Увянетъ молодость скорѣе,
Чѣмъ вешнiй на лугахъ цвѣтокъ,
Такъ жить намъ должно веселѣе,
Коль юный вѣкъ нашъ коротокъ.
Дай нѣжной поцѣлуй любезна,
И мнѣ весну ты возврати;
Любовь тебѣ коль не извѣстна,
То тлѣть мнѣ въ оной не прети.
Коль скоро ты моя Плѣнира
Узнаешь сладости ея,
Прiятнѣй будешь ты зефира,
И будешь то, что нынѣ я.

СТИХИ

На смерть М. В. Ломоносова.

Содрогнися Парнасъ отъ страха и печали!
Ты лиру, Аполлонъ, въ злой горести разбей!
Вы, Музы, лучшую подпору потеряли,
Которую себѣ имѣли много дней. . . .
Се Ломоносова ужасна смерть сразила,
Подъяла косу вдругъ, его не пощадила;
Окончилъ вѣкъ златой, и слава не гремитъ;
На урну онаго опершись, крѣпко спитъ.
О слава! ты при немъ покоя не вкушала,
И во сто трубъ злашыхъ гремѣть не успѣвала,
Творенья милыя въ безсмертьи будутъ жить,
И будутъ всѣмъ умамъ въ примѣръ всегда слу-
жить,
Доколѣ существо въ семъ мірѣ сохранится,
Или невѣжествомъ родъ смертныхъ не затмится.

ПРИМѢРЪ ПОСТОЯНСТВА.

Едва Лизета овдовѣла,
Старалась жениховъ искать,
И пѣсни свадебны запѣла,
Себя все тщилась наряжать.
Примѣтя то ея подруга,
Сказала съ удивленьемъ ей:
Ужель забыла ты супруга
Такъ скоро въ вѣрности своей?

Возьми ты горлицЪ для примѣра,
Сравни сЪ сей птичкою себя;
На что примѣрЪ мнѣ ихЪ манера?
Возьму я лучше сЪ воробья.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Государя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА въ Казань.

1.

ВЪ Казань ударилЪ сильной вѣтрЪ,
И Волжски воды закипѣли,
Преславны рыбы возшумѣли:
Бѣлуга, стерлядь и осетрЪ.
Вода подЪ веслами пѣнится,
ОтЪ радости сЪ вершинЪ стремится,
И будто чувствуетЪ она,
Что Царь МонархЪ по ней несется,
ВЪ изгибахЪ горда она вьется,
И вся цвѣтами убрана.

2.

НесетЪ оливу, лаврЪ вЪ рукахЪ,
И се грядетЪ кЪ Казани сЪ миромЪ;
Се ПАВЕЛЪ провожденЪ зефиромЪ,
ОнЪ образЪ Ангела пріялЪ.
ТутЪ птицы райски загремѣли,
КЪ Казани прямо полетѣли,
СЪ холма на холмЪ, изЪ дола вЪ долЪ;
КазанцамЪ милость предвѣщаютЪ,
Орды сосѣдни восклицаютЪ,
ИхЪ голосЪ повторялЪ ЭолЪ.

3.

И се тамъ въ радости народъ!
Во Христїянѣ, въ иновѣрцѣ
Веселье зримъ въ лицѣ и сердцѣ
И всѣ ждутъ — съ нетерпѣньемъ входъ.
Но ахъ, ужасная судьбина!
Ты благъ и лютыхъ бѣдъ причина:
Полграда пламень вдругъ объялъ.
Казань уныла проглянула,
И древню горесть вспомянула,
Когда подъ пепломъ градъ упалъ.

4.

Казанецъ стрѣтенья бѣжитъ,
Больной недуги забываетъ,
Жаръ чистой въ сердцѣ изъявляетъ,
Для ПАВЛА — всемъ не дорожитъ.
Забылъ, что домъ его курится;
Сквозь дымъ и пеплъ къ Царю стремится;
Забылъ, что огнь все поглотилъ;
Забылъ бѣды свои домашни;
Забылъ дѣтей, поля и пашни;
Къ Царю онъ взоръ свой устремилъ.

5.

Свѣтъ солнечныхъ злашыхъ лучей
Монарха входъ къ нимъ озаряетъ:
Природа, мнится, вся играетъ
И краситъ градъ унылый сей.
Взошелъ въ него нашъ Царь Великїй;
Повсюду раздалися клики:
На бѣдныхъ очи Онъ возвелъ,
Изъ пепла домы ихъ бдовдвигнулъ,
Нещастныхъ милостью постигнулъ,
И паки градъ какъ рай процвѣлъ.

6.

Взглянулъ — и все изполнилъ благъ,
Сказалъ — и граждане снабдѣнны;
Явились паки возрожденны
Строеньи, обращенны въ прахъ.
Монарше Имя всюду слышно,
По стогнамъ слухъ несется пышно
И отзывается въ сердцахъ.
Куда сей Царь ни обратится,
То всякъ душею веселится
И радость зрится на лицахъ.

7.

Сквозь тонкїй облакъ на Казань
Луна въ ущербѣ бывъ смотрѣла,
Какъ твердь надъ ней багрѣя рдѣла,
А пламень бралъ со оной дань.
По всемогущей ПАВЛА волѣ
Мы Бога видимъ на престолѣ!
Простерши благотворный взглядъ,
Онъ рекъ — и вихрь ужасный
Протекъ; и облака ненастны
Летятъ, не покрывая градъ. —

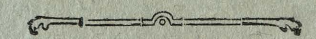
8.

Въ поляхъ, лѣсахъ, въ лугахъ, въ водахъ,
Пастушки, Нимфы и Сирены
Текутъ узрѣть Казански стѣны;
Въ вѣнкахъ, въ кораллахъ, при стадахъ
Сбираясь всюду въ хороводы,
Являютъ намъ златые годы;
Поютъ въ Казань приходъ Царя.
Востокъ и западъ то вѣщаютъ,
Что градски стѣны не вмѣщаютъ,
Плескъ нашъ чрезъ горы повторя.

Къ пѣсни:

Рѣченьки.

О тонъ нѣжнѣйшїй и прїятной
Для чувствїй сердца моего!
Какой ты чудной, непонятной
Прїятствомъ звука своего!
Ты что-то странное имѣешь:
Ты трогать душу мою смѣешь
Прїятной стройностью твоей;
И самы тонкїя пружины,
Сокрыты въ сущности моей,
Ты можешь потрясти единый;
Тебѣ хвалы достойны сплесть,
Не въ силахъ словъ я изобрѣсть. —

Отвѣтъ Катона.

Единый суевѣръ въ Катону прибѣжалъ,
Дрожащимъ голосомъ и хладными устами
Вѣщалъ ему, что въ ночь, какъ онъ въ одрѣ лежалъ,
Башмакъ его въ куски изгрызла мышь зубами. —
Катонъ нашъ вспыльчивъ былъ, и далъ глупцу тумакъ,
Сказавъ: тутъ дива нѣтъ, и не чего бояться;
Но естьли мышь сїю загрызъ бы твой башмакъ,
То ты, и я, и Римъ весь сталъ бы удивляться.

ЗАВТРА.

Завтра слово есть большое!
Кормитъ насъ, надеждой льститъ;
Оно часто и пустое,
И пустое намъ твердитъ.
Завтра во устахъ вельможи,
Завтра во устахъ судьи!
Хоть онъ скверенъ, дуренъ съ рожи --
Но на *завтра* даръ неси.
Завтра онъ парикъ нахлуча,
Носъ запрячитъ свой въ дѣла,
И въ очкахъ сидитъ какъ куча,
А рука -- платежъ взяла --
Сказалъ — *завтра* успокоитъ,
Завтра дѣло мнѣ рѣшитъ;
Но тюрьму на *завтра* строитъ,
Лицѣмерить поспѣшитъ.
Завтра онъ -- двоихъ обманетъ;
Больше далъ -- ты будешь правъ;
Завтра дѣлъ -- читать не станетъ,
Но обоихъ обобравъ. --
Завтра человѣкъ сбирае ъ
Горы злата въ здѣшній домъ;
Анъ гляди, онъ умираетъ,
И лежитъ ужъ подъ ковромъ.
Линдоръ съ клятвой обѣщался
Лизѣ нѣжной вѣрнымъ быть;
Завтра всячески старался
Онъ Лизетѣ измѣнить.

Розу онъ срывавъ божился,
Ее вѣчно посѣщать;
Завтра на вдовѣ женился,
Жаръ сталъ къ деньгамъ ощущать. —

ИСКУСТВО ВООБРАЖЕНІЯ.

Однажды, какъ Апеллъ писать хотѣлъ Венеру,
Онъ началъ, вдругъ забылъ, и Хлою написалъ.
Красавицу твердя, взялъ краску, станъ и мѣру,
Въ пріятностяхъ умомъ и сердцемъ заблуждалъ.
Въ восторгѣ окончавъ, работою прельщался --
Всѣмъ знатокамъ казать по городу спѣшилъ,
Но всякой ту признать Кипридой отказался;
Сказали, что Апеллъ въ рисовкѣ погрѣшилъ.
Но какъ онъ Хлою имъ вдругъ вывелъ, и узнали.
Тогда онъ страсть свою всѣмъ ясно оказалъ, --
И каждой согласясь, съ его душей сказалъ:
Хоть прежде мы красотъ въ картинахъ и видали,
Но ты толико здѣсь собралъ пріятства намъ,
Что мы должны сказать, что здѣсь Венеры храмъ.

НЫНѢШНІЙ ПОРЯДОКЪ,

или

Всё-то такъ.

Какъ жить, уставъ даетъ намъ всякой,
И нынѣ свѣтъ уже таковъ,
Что кто имѣетъ умъ двоякой,
Тотъ здѣсь ученой философъ;

Твердитъ -- порокъ роскошно жить;
Любви не надо намъ вдаваться;
Что женщинъ долгъ остерегаться,
А деньги должно намъ копить,
И все то здѣсь твердятъ тѣмъ людямъ,
Что придутъ помощь въ нихъ искать:
Такихъ просителей принудимъ
Минуту прозьбы проклинать.
О хлѣбѣ куса умоляетъ,
А слышитъ только вдругъ отказъ;
Не ихъ балясовъ онъ алкаетъ,
Бѣднякъ -- въ голодной, хладной часъ —
Ихъ сердце въ камень обращенно;
Смѣется нуждѣ бѣдняка,
И бывъ рублямъ порабощенно,
Не дастъ ни гривны для куска.
Хотябъ устами что вѣщаетъ,
То самъ бы точно исполнялъ;
Но нѣтъ -- законы забываетъ,
Страстямъ кумиры возставлялъ;
Женѣ своей онъ былъ не вѣренъ,
Во младости рубли сорилъ;
Онъ дружбѣ вѣкъ былъ лицемѣренъ,
А во сластяхъ всю жизнь топилъ. —
Взгляни къ нему -- онъ слабъ, въ недугахъ,
Въ крови -- онъ носитъ гнусной ядъ.
Взгляни его, онъ въ трубныхъ звукахъ;
Мертвецъ прямой -- что смотритъ въ адъ.
Въ народномъ зри его стеченьи,
Онъ прямо, какъ Солонъ речетъ.
Смотри его въ уединеньи;
Такъ онъ Нерона жизнь влечетъ.
Еще въ кругу Таисовъ дерзскихъ,
Веселье ищетъ между ихъ;

Въ срединѣ танцовъ богомерзкихъ,
Забылъ, что мнѣ гласилъ про нихъ. —
Чело его изображаетъ,
Что онъ узналъ всю сласть утѣхъ.
Отъ малыхъ взоръ свой отвращаетъ,
А въ лести онъ нашолъ успѣхъ. —
А безъ того и самъ подъ старость
Ходилъ бы онъ уже съ сумой,
И гнусно проведя всю младость,
Презрѣнъ бы былъ онъ самъ собой.
А се чины его блистаютъ!
Деревня крадена въ судахъ;
Всѣ люди щастьемъ такъ играютъ,
Какъ перстнемъ невидаль въ рукахъ.

СТИХИ

Къ Боунапарту.

Куда стремишся ты, Французъ предерзновенный?
Со края свѣта быть въ другомъ ты страшенъ мнишь.
Лети къ погибели, Судьбой предположенной!
Ты новой Карлъ, Бапный — паденьемъ не дивишь.
Спесь, буйство и грабежь изъ дальнихъ странъ вели,
А се — Титановъ сихъ Нельсонъ низвергъ въ пучины,
Остатки въ прахъ Арабъ разсѣялъ на земли,
И гордости пустой остался звукъ единый. —

Къ Французамъ въ Египтѣ.

При славномъ Каирѣ, на Нильскихъ берегахъ,
Сталъ лагерь — полнъ затей — Герои славны были;
Но имъ Беллона, Марсъ смѣялись въ сихъ степяхъ,
Что вмѣсто лавръ они — тамъ сѣно лишь косили.

ПИСЬМО

Лади Темиры къ Лорду Брондлору, волонтеру на кораблѣ Адмирала Нельсона.

Желаешь ли познать ты и въ военныхъ звукахъ
О горести моей, о тѣхъ несносныхъ мукахъ,
Которы въ сердцѣ я, мой милой другъ, ношу,
И какъ я о тебѣ Всевышняго прошу? —
Уже ли Марсомъ ты въ сей часъ ожесточенной
Не думалъ о своей Темирѣ огорченной?
Какой ужасной слухъ пронесся до меня!
Мятуся, плачу, рвусь, безумствую стеня,
Узнавъ, что на морѣ ты будешь на сраженьи,
Что храброй нашъ Нельсонъ уже при достиженьи
Французскихъ кораблей и славныхъ тѣхъ судовъ,
Которы ихъ вели до Нильскихъ береговъ?
О ты, несносной слухъ! ты сердце раздираешь,
Страшишь меня, крушишь, и ужасъ навлекаешь.
Уже ли Неба гласъ вѣщаетъ мнѣ бѣду?
Отстань несносна мысль, отстань ты ко стыду!

Я знаю, что въ сей часъ одной ты занятъ славой;
Она влечетъ тебя, и злой поитъ отравой.
А мнѣ явить любовь велятъ твои красы;
Прости любовницу, прости въ сіи часы!
Почто, природа, ты любезнымъ зародила?
Почто въ тебя съ красой военной духъ вложила?
Ахъ! будь ты меньше храбръ, или мнѣ меньше милъ.
Но видно, мнѣ любить такъ рокъ опредѣлилъ!
Я пола своего въ себѣ не знаю слабость,
Тебѣ полезной быть — вотъ въ чемъ душевна сладость.
Я знаю и любить, я знаю горе снесть;
Я знаю, въ чемъ твой долгъ, я знаю, въ чемъ и честь.
Когдабъ съ тобой была, была бы я покойна;
Снося твои труды, былабъ тебя достойна.
Опасности познать почто мнѣ запретилъ?
И моря страшной путь менябъ не отвратилъ;
Не устрашили бы ни бездны, ни пучины,
Съ тобою плывъ въ водахъ, и ждать одной судьбины.
Пренебрегая смерть, готовабъ всё была
Предстать на тотъ ударъ, что смертнымъ я сочла.
А Парки злобныя на младость не взираютъ,
Красотъ и прелестей нить жизни прекращаютъ.
Ни волосы твои, ни взглядъ пріятной твой,
Тебя не сберегутъ отъ пули роковой.
Подобно Адонисъ, сраженъ судьбиной слезной,
Онъ умеръ на рукахъ въ объятіяхъ любезной.
Во мнѣ красы той нѣтъ, но вся во мнѣ любовь;
Въ бою не нужно то что воспламеняетъ кровь.
Страшуся за тебя, Венеру умоляю!
Чтобы спасла ту кровь, которой я страдаю:

Приди богиня къ намъ, на Марса ты взгляни!
Спасти любезнаго мнѣ воина склони!
Я сына твоего люблю и почитаю;
Подъ властію любви жить вѣчно я желаю;
Амура чту уставъ, хвалю его красы.
Но что здѣсь говорю въ нещастные часы!
Надеждѣ я пустой ввѣряюся нещастна!
Венера коль придетъ, то будетъ мнѣ опасна.
Самъ Марсъ тебя за то на свѣтѣ сокрушитъ,
Что онъ въ душѣ своей твой духъ не помѣститъ.
Воспомни обо мнѣ въ сіи часы разлуки,
Чрезъ горы, чрезъ моря я простираю руки:
Съ слезами, милой другъ, прошу себя щадить!
Ты сгибнешь, ты умрешь — тогда — на что
мнѣ жить!

ЭПИГРАММА.

Маронъ язычникъ былъ, и труды написалъ;
Но Хронологію, Исторью мало зналъ,
Повсюду разумъ свой, повсюду онъ включаетъ,
Въ страницѣ болѣе его онъ помѣщаетъ,
Какъ нежель въ томъ кто вмѣститъ иной своемъ: —
Тебѣ не стану я послѣдовать во всемъ.
Когда кто за умомъ гоняется всечасно,
Тотъ не встрѣчался съ нимъ, теряя трудъ на-
прасно.

ТЕМИРА,

Идиллїя.

Зефиры тихїе престаньте
Листочки съ шумомъ пербирать;
Вы птички болѣ не порхайте,
Темирѣ дайте отдыхать. —
Гони пастухъ овечекъ стада,
Свирѣль оставь и пѣсни ты;
Темира здѣсь, моя отрада,
Свои покоитъ красоты.
Въ пещерахъ эхо сокрывайся,
Лети отселѣ далѣ прочь!
Въ лѣсу теперь не раздавайся,
Гдѣ спитъ Киприды нѣжной дочь. —
Прекрасны птички замолчите,
И нѣжной голубь не воркуй;
Ручьи прозрачны не журчите
Своимъ паденьемъ чистыхъ струй.
О солнце! лучь ты свой прекрасной
Отъ ней на время отврати;
Съ природой соглашаясь ясной,
Ты сонъ ея не прекрати.

ОТВѢТЪ ФИЛОСОФУ.

Меня ты смертной вопрощаешь,
Щастливой есть ли на земли?
Почто его найти не чаешь
Въ кругу людей, что честь блюли?

Тотъ щастливъ, кто не уповаетъ
На умъ людей — на міръ суетъ;
Передней кто вельможъ не знаетъ —
Съ умомъ не суется впередъ;
Кто славой дому не гордится,
Своей онъ только веселится,
Что добрымъ дѣломъ пріобрѣлъ; —
Онъ денегъ подло не стяжаетъ,
Процентовъ тьму не вычитаетъ,
Что алчный братъ за мзду велѣлъ.
Покойно совѣстью взирая,
Нещастнаго всегда снабдитъ;
Какъ огнь въ лампадѣ сохраняя,
Онъ миръ и тишину хранитъ;
Творца не словомъ чтитъ онъ, точно,
Но дѣломъ выполнявъ законъ: —
Вотъ тутъ души блаженство прочно,
И щастье вѣчно безъ препонъ.

ЭПИТАФІЯ.

Переводъ.

Воздерженъ былъ какъ Сенобитъ,
Онъ прожилъ чисто, непорочно:
Но плоть и тѣло бывъ не мочно,
Распутству не хотя претитъ.

Конецъ.

